

Ночь Богонгов и двадцать три пули

КОРДАТОП СОРДНА

Андрей Бондаренко
Ночь богонгов и
двадцать три пули
Серия «Сто Дорог», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936215

Аннотация

Перелётные птицы.

Перелётные бабочки.

Перелётные люди...

Зачем – всё это? Что им надо? Для чего? Почему?

Глупые вопросы. Более того, никчемные. Надо, значит, надо.

Покинуть родовое гнездо. Преодолеть – хрен знает сколько – тысяч километров. Пройти тернистым путём. Похоронить лучших друзей и подруг. Избежать верной смерти. И вернуться – в конечном итоге – на Родину...

Зачем – вернуться?

Затем. Так заведено. Мол, не нами заведено, не нам и отменять.

Хотя, по большому счёту, выбор есть всегда.

А у некоторых, по-настоящему интересных историй имеется ещё и двойное дно...

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	40
Глава четвёртая	58
Глава пятая	67
Глава шестая	82
Глава седьмая	94
Глава восьмая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ночь богонгов и двадцать три пули

Цикл – «Сто Дорог».

Жанр – детективная (героическая) фантастика.

Книга первая – «Ночь богонгов и двадцать три пули».

От Автора

Перелётные птицы.

Перелётные бабочки.

Перелётные люди...

Зачем – всё это? Что им надо? Для чего? Почему?

Глупые вопросы. Более того, никчемные. Надо, значит, надо.

Покинуть родовое гнездо. Преодолеть – хрен знает сколько – тысяч километров. Пройти тернистым путём. Похоронить лучших друзей и подруг. Избежать верной смерти. И вернуться – в конечном итоге – на Родину...

Зачем – вернуться?

Затем. Так заведено. Мол, не нами заведено, не нам и отменять.

Хотя, по большому счёту, выбор есть всегда.

А у некоторых, по-настоящему интересных историй имеется ещё и двойное дно...

Автор

Пролог

Лондон, Ист-Энд, рабочий офис Томаса Бриджа, начальника третьего отдела МИ-6 (СИС¹).

– Начинаяте – с первой декады сентября месяца – активно скупать австралийские ценные бумаги. В первую очередь, метрополитена, морских портов, нефтеналивных терминалов, а также крупных горнорудных и строительных компаний, – велел глубокий мужской баритон. – Да и про высокодоходный гостиничный бизнес не стоит забывать. Эту фазу операции необходимо завершить до середины октября.

– Извините, сэ, – засмутился юношеский фальцет. – Но каков общий объём запланированных сделок?

– Не смейте меня перебивать! – неожиданно взбеленился баритон. – Что за плебейские манеры, в конце-то концов? Из вас, Невилл, никогда не получится толкового финансиста.

– Простите, сэ. Больше такого не повторится. Извините...

– Ладно, прощаю. Успокойтесь. Итак. Общий объём покупок – стандартный для таких проектов. То есть, в пределах двадцати-тридцати миллиардов долларов. Американских, естественно.... Перехожу ко второму этапу. Наша активность на фондовом рынке не останется, конечно же, неза-

¹ СИС – Secret Intelligence Service (МИ-6) – служба внешней разведки Великобритании.

меченной, и котировки всех ценных австралийских бумаг неуклонно пойдут вверх. С двадцать пятого ноября начинаем продавать. Задача – слить за две недели всё, до последней акции. Как видите, Невилл, ничего сложного.... Хотите о чём-то спросить? Хорошо, спрашивайте.

– А во что мы будем вкладывать средства, вырученные при продажах?

– Ни во что. По крайней мере, до десятого-двенадцатого января.

– Как же так? – фальцет был безмерно удивлён. – Более трёх недель такие гигантские финансы будут находиться «в кэше»?

– Будут. Перехожу к третьему этапу.... В первых числах нового года в одном из крупных городов Австралии произойдёт...э-э-э, мощный катаклизм. Назовём это так. По подробностей, Невилл, вам знать не следует. Но паника, гарантирую, будет грандиозной, заразной и всеобъемлющей. Фондовый рынок тут же рухнет. За ним последует валютный. Местные биржи будут закрываться и заново открываться по несколько раз на дню. Красота. Блеск и нищета наивных куртизанок.... Примерно через неделю рыночная ситуация, развиваясь рывками, достигнет «дна». В этот судьбоносный момент мы вновь вернёмся на сцену и начнём скупать всё подряд. На тридцать пять процентов средств – австралийские доллары. На остальное – акции крупнейших австралийских корпораций, банков, трестов и синдикатов. Только, ра-

ди Бога, не метрополитена... Месяца через три-четыре рынок, как и всегда, полностью восстановится. Продадим австралийские активы с наваром. То есть, заработаем прибыль. Процентом триста, не меньше...

* * *

Тихонько зашипело. Потом затрещало. Томас Бридж выключил диктофон, брезгливо поморщился, вынул из внутреннего кармана пиджака маленький костяной гребень и принялся неторопливо – поочерёдно – расчёсывать свои шикарные, слегка рыжеватые бакенбарды. Привычка такая была у руководителя третьего отдела МИ-6, мол, данное нехитрое действие эффективно успокаивает нервную систему, расшатавшуюся за долгие годы безупречной службы, и действительно способствует нормализации мыслительного процесса.

Минут через пять-шесть он вернул гребень в карман, наполнил на одну треть – из пузатой бутылки синего стекла – высокий хрустальный бокал, выпил содержимое в два крупных глотка, после чего закурил, с видимым удовольствием, толстую тёмно-коричневую сигару. Кубинскую и контрабандную, понятное дело.

– Мутное и гадкое мероприятие намечается, – предварительно выпустив изо рта струю ароматного табачного дыма, подытожил мистер Бридж. – Прав, всё же, был старина Карл

Маркс. Ради сверхприбылей жадные капиталисты и финансовые магнаты способны практически на любые преступления... Что же предпринять? Кого – из сильных Мира сего – поставить в известность? Сразу и не сообразить...

Глава первая

Ночь богонгов

Австралия, город Канберра, квартира Старшего криминального инспектора Хавьера Эрнандеса.

Вообще-то, в паспорте значилось – «Хавьер Эрнандес», но все вокруг, включая высокое начальство, величали его – «Смок». Так уж повелось. Во-первых, вследствие очень смуглого цвета кожи и вредной привычки выкуривать по полторы пачки сигарет за сутки. Во-вторых, из-за горячей мальчишеской любви к литературным произведениям незабвенного Джека Лондона.

Хавьер Эрнандес, переехавший в Австралию более десяти лет тому назад из аргентинского Буэнос-Айреса, трудился Старшим криминальным инспектором по округу – «Южная Канберра». Это такой фешенебельный и престижный район австралийской столицы. Тихий и спокойный буржуазный округ – приятная консервативная архитектура, много разной зелени, свежий воздух, чистота, массивные бетонные урны через каждые пятнадцать метров, законопослушные богатые граждане...

Хм. Законопослушные богатые граждане? Ага, банкиры, топ-менеджеры, рантье, бизнесмены, журналисты, звёзды эстрады, известные киноартисты и киноартистки. Та ещё

публика. Сплошные заносчивые жлобы и истеричные скандалистки, начинающие жаловаться – во все инстанции сразу – по малейшему поводу. Иногда и без оного. Короче говоря, жизнь Смока, отнюдь, не напоминала сахар-рафинад.

Был поздний вечер. Излёт весны. Хави – усталый и вымотанный до полной невозможности – пришёл с работы домой.

Он приветливо кивнул пожилому консьержу, по широкой лестнице поднялся на последний четвёртый этаж, открыл ключом дверь и, оказавшись в тесной прихожей, громко поинтересовался:

– Любовь моя хрустальная, ты дома?

– Дома. Где же я ещё могу быть? – отозвался насмешливый женский голосок. – С таким жутким и подозрительным ревнивцем как ты, милый, не забалуешь. Приходится, волей не волей, старательно соблюдать реноме послушной и скромной девочки...

– Польщён. А почему послушная и скромная девочка не вышла встречать своего грозного и ревнивого повелителя?

– Через полторы-две минуты начинается премьерный показ новой версии научно-популярного фильма – «Дикая Австралия. Ночь богонгов». Говорят, что снято на редкость интересно. Нельзя ничего пропустить. Имеется у меня, понимаешь, одна интересная задумка. Только сперва надо уточнить пару-тройку незначительных деталек. Не обижайся, пожалуйста.... Ладно?

– Ладно, без вопросов, – покорно вздохнул Смок. – Не

обижаюсь. Киноманка ты моя...

Сняв ботинки и надев домашние тапочки с мохнатыми помпонами, он прошёл на кухню, вынул из холодильника высокую пол-литровую банку с пивом и – с громким «пшиком» – вскрыл её. Пиво было аргентинского производства и называлось – «Кильмес-Кристалль». Другого Старший криминальный инспектор не пил. Из-за принципиальных соображений и природного аргентинского упрямства.

Секунд через шесть-семь, вволю побулькав, Хави поставил пустую жестянку на кухонный стол, достал из холодильника и вскрыл вторую пивную банку, после чего отправился в столовую-гостиную.

Исида, оккупировав старенькое кресло-качалку, увлечённо пялилась в японскую плазменную панель.

Зазвучала ненавязчивая мелодичная музыка. На плоском экране замелькали симпатичные австралийские пейзажи.

Смок, предварительно глотнув пивка, устроился-угнездилился на диване, откинул голову на мягкую плюшевую спинку и устало прикрыл глаза.

– Австралия. Граница Квинсленда и Нового Южного Уэльса, – принялся вещать мужественный баритон. – Фермерские земли. Овощная, зерновая и льняная «житница» Австралии. Бескрайние холмистые поля, засеянные пшеницей, рожью, овсом, зелёным горошком, картофелем, капустой, свеклой, морковью и так далее.... Начало австралийского лета, вторая декада декабря месяца. Прошли послед-

ние – перед сезонной засухой – дожди. Всё вокруг цветёт и зеленеет, овощные грядки преобразуются прямо на глазах: растут вверх, стволы растений толстеют, а листья становятся изумрудно-зелёными, гладкими и мясистыми. Но люди не спешат радоваться. Не спешат. А, вот, птицы, грызуны, ящерицы и некоторые хищные насекомые, наоборот, замерли в приятном ожидании. Наконец, «оно» начинается.... Тёмная тихая ночь. Всё небо покрыто яркими созвездиями: Сириус, Канопус, Ригель и, наконец, главный символ Южного полушария – великолепный и неповторимый Южный Крест. Неожиданно всё вокруг наполняется подозрительным и странным шорохом, который – с каждой минутой – становится всё громче и громче. Это многие миллиарды мохнатых гусениц-совок выползают из-под земли. Выползают и тут же набрасываются на беззащитные зелёные растения. Вскоре шорох сменяется противным хрустом и хищным чавканьем – это неутомимые челюсти гусениц жадно вгрызаются в листья и стебли. Совки – главные обжоры Австралии.... Вороны, сороки, сойки, дрозды, малиновки и свистуны, заполошно хлопая крыльями, незамедлительно бросаются в бой. К ним присоединяются полевые мыши, лесные крысы, валлаби, ящерицы, опоссумы, кузнечики и крупные пауки. Едоки, никуда не торопясь, старательно глотают и кусают незваных пришельцев. Глодают и кусают, глодают и кусают. Но, такое впечатление, гусениц меньше не становится.... Алый рассвет. Со всех сторон наплывает-наползает

тревожный гул. Это подтягиваются мощные трактора, влекущие за собой пузатые цистерны с ядохимикатами. Сражение с вредителями, выходя на новый уровень, неуклонно набирает обороты. . . . К вечеру гусеницы, оставшиеся в живых и наевшиеся, не смотря ни на что, до отвала, падают на мягкую землю и торопливо зарываются, зарываются, зарываются. Сколько гусениц выжило? Дай Бог, половина. Не больше. Действо закончилось? Нет, всё только начинается. . . . Через две с половиной недели уродливые гусеницы-совки вновь выбираются на земную поверхность. Выбираются и «превращаются» в элегантных и эстетичных мотыльков-богонгов. Задумчивый жёлто-багровый закат. Лёгкий, почти невесомый ветерок. И, в свете последних солнечных лучей, в небо поднимаются многие и многие миллионы пёстрых бабочек. Они, словно бы радуясь чему-то, беспорядочно носятся над полями и перелесками, заворачиваясь – порой – в самые невероятные и изысканные спирали. . . . Солнце устало прячется за изломанной линией далёкого горизонта. На тёмном небе появляется огромная янтарная Луна, окружённая – со всех сторон – ярчайшими звёздами. Наступает загадочная и неповторимая «Ночь богонгов», наполненная бесконечно-тревожным потряскиванием крохотных крылышек. Это мотыльки – на лету – о чём-то «переговариваются» друг с другом. Потом богонги вспоминают о нестерпимом голоде. Они опускаются к земле и начинают дружно перепархивать от одного цветка к другому, насыщаясь – перед даль-

ней дорогой – сладкой пылью... Приходит нежно-розовый рассвет. Богонги, словно получив незримую начальственную команду, устремляются – плотной гигантской стаей – на юго-восток... Но знойный западный ветер крепчает и крепчает, а потом коварно несёт стаю строго на восток, прямо на жёлтые скалы Большого Водораздельного хребта. Удар! Сотни и тысячи мотыльков разбиваются о ребристые глыбы, мгновенно превращаясь в мокрые тёмные пятнышки на каменной поверхности. Второй удар. Третий. Четвёртый... К вечеру богонгам, всё же, удаётся вернуться на прежний курс. Впереди мелькают серебристо-тёмные воды реки Дарлинг. Жарко. Как же жарко. Пить! Как же хочется пить! Мотыльки заполошно порхают над водой, умудряясь подхватывать с речной поверхности – специальными тоненькими усиками – крохотные частички живительной влаги. Над руслом Дарлинга несутся громкие несмолкающие «плески». Это жирует местная рыба – колючепёры, шишечники и илистые прыгуны. Жирует? В том смысле, что с несокрушимым аппетитом кушает питательных богонгов... Через несколько суток на пути мигрирующих бабочек оказывается Канберра, столица Австралии. Жизнь в городе тут же замирает, люди, тщательно прикрыв двери и окна, прячутся в домах. Временно приостанавливается деятельность Парламента. Улицы и площади Канберры – почти на сутки – оказываются во власти летней жары и мохнатых беспокойных мотыльков... Налетает устойчивый северный ветер. Северный, но жаркий-жар-

кий. Гигантская стая несчастных насекомых, сбиваясь – в очередной раз – с намеченного маршрута, смещается к югу. Пригород Мельбурна. Зелёные теннисные корты, трибуны, забитые любопытной публикой под самую завязку. Проходит открытый чемпионат Австралии по большому теннису. Мария Шарапова элегантно привстаёт на цыпочки. Резкий взмах ракетки. «А-а-ах!» – ожидаемо выдыхает знаменитая теннисистка. Ярко-жёлтый мячик бодро взмывает в воздух, но, неожиданно встретившись с чем-то непонятным, беспомощно падает на траву. Резко темнеет. Всё вокруг наполняется тревожным шелестом. На трибунах начинают отчаянно визжать и причитать особо впечатлительные и нервные дамочки. «Не беспокойтесь, уважаемые зарубежные гости!» – невозмутимо советует скушающий голос диктора. – «Ничего страшного не происходит. Это, всего лишь, богонги. Бабочки такие. Или же мотыльки? Извините, но точно сказать не могу. Соревнования, в любом случае, переносятся на завтра. Прошу проявить выдержку и соблюдать спокойствие...». Наконец, слегка поредевшая, но, всё же, огромная стая насекомых достигает Австралийских Альп. Мрачное и хмурое местечко, доложу я вам. Высочайшая горная система Австралии. Одна из частей Большого Водораздельного хребта. Горные пики, перевалы, седловины, лощины, чёрные трещины, бездонные ущелья. Камни, поросшие серо-зелёными мхами и фиолетово-жёлтыми лишайниками. Что забыли нежные мотыльки в этих негостеприимных и суровых краях? Затруд-

няюсь ответить однозначно. Возможно, их привлекает более прохладный и комфортный климат. Летом (январь-март), в Квинсленде и Южном Уэльсе очень жарко – окружающий воздух частенько прогревается до сорока градусов по Цельсию. В Австралийских же Альпах гораздо прохладней – днём плюс пятнадцать-двадцать, ночью температура опускается и до плюс семи-девяти градусов.... Богонги рассредоточиваются «на постой» вблизи гор Баффало и Богонг. А наиболее активные особи долетают даже до горы Косцюшко, вершина которой является наивысшей точкой всего континента. Мотыльки забиваются в глубокие расщелины, горные трещины, ниши и пещеры. Забиваются и терпеливо ждут наступления осени.... Иногда, сугубо по ночам, они вылетают из укрытий. Зачем? Конечно, для того, чтобы немного размять затёкшие крылья и не разучиться летать. Только это небезопасно. Птицы, ящерицы, летучие мыши, горные валлаби, опоссумы, кускусы, кенгуру и вомбаты не дремлют. «Хам, хам, хам!» – и очередной неосторожный богонг распрощался с жизнью.... Но, вот, прошёл первый апрельский дождик. Мотыльки тут же вылетают из пещер и жадно «слизывают» с чёрных скал (если так, конечно, можно выразиться), крохотные капельки воды. Потом, вволю напившись, они отправляются обратно – к зелёным полям Квинсленда и Нового Южного Уэльса. Возвращаются, откладывают яйца и умирают. Для того чтобы в грядущем декабре вновь состоялась она, знаменитая Ночь богонгов...

– Ты что, заснул? – раздалось где-то рядом.

Смок, почувствовав, как кто-то настойчиво теревит его за правое плечо, не без труда разомкнул веки и непроизвольно улыбнулся.

– Почему ты улыбаешься? – таинственно мерцая огромными тёмно-зелёными глазами, спросила Исидора.

– Я всегда улыбаюсь, когда вижу тебя, плутовка. Особенно, когда ты облачаешься в такие коротенькие домашние халаты.

– Как тебе фильм? Понравился?

– Я, честно говоря, его почти не смотрел, – признался Эрикандес. – Только слушал голос диктора. Что-то там про многие миллионы упрямых и глупых бабочек. А потом, и вовсе, задремал.

– Жаль.

– Почему?

– Видишь ли, милый. Эта красивая и печальная история имеет к нам с тобой прямое отношение, – загадочно улыбнулись карминные, изысканно очерченные женские губы. – Причём, самое непосредственное...

– Каким же это образом?

– У тебя когда начинается отпуск?

– Отпуск? – протирая ладонью сонные глаза, задумался

Смок. – Кажется, со следующего вторника.

– А у меня – с завтрашнего дня, – многозначительно прищурившись, сообщила Исида. – Понимаешь ход моей мысли?

– Не очень.

– Ладно, поясняю для особо несообразительных мачо.... Мне очень-очень хочется посмотреть (своими глазами, а не по телевизору), на Ночь богонгов. До массового вылета бабочек остаётся примерно неделя – плюс-минус пару суток. В энциклопедии – с помощью Интернета – посмотрела. Коротче говоря.... Завтра утром я выезжаю в Бёрнс. Это такой занюханый провинциальный городишко, расположенный в самом центре ареала обитания-проживания богонгов. Сниму там уютный и благоустроенный коттедж. Осмотрюсь на местности. Познакомлюсь с соседями. А во вторник и ты подъедешь. Посмотрим на тучи разноцветных бабочек, погуляем по округе, посетим ближайшие фермы, подышим чистым деревенским воздухом, вдоволь полюбуемся на тамошние экзотические ландшафты. Экологически-безупречные продукты, опять же. Парное молоко, к примеру.... Договорились?

– Э-э-э.... Не знаю, право слово. У тебя же имеется – в пятидесяти километрах от Канберры – отличный загородный дом, окружённый великолепным старым парком. Пруд с золотыми и серебряными рыбками. Японский сад камней. Безупречные газоны. Цветники...

– Ты что же это, оболтус смуглолицый? Решил поспорить со мной? Искренне не советую.

– Договорились. Согласен...

Глава вторая

Тёмно-коричневый лёд

Австралия, окрестности городка Бёрнса.

– Хосе! Хосе! – неслоь над руслом крохотного ручейка. – Родригес, прекращай свои дурацкие шуточки! Куда ты спрятался, дрянной мальчишка? Вылезай немедленно! Обижусь...

Из-за горбатой красно-белой гранитной скалы вышла молоденькая девушка – невысокая, стройная, облачённая в светло-бежевый костюм для верховой езды, с чёрным кавалерийским хлыстом в руках. Густые медно-пшеничные волосы барышни были коротко-подстрижены, а на милом личике, покрытом щедрой россыпью рыжих веснушек, застыла гримаса лёгкого неудовольствия.

– Какое необычное место, – озабоченно хмыкнув, пробормотала девица. – Просторная овальная поляна, посередине которой находится... э-э-э, идеально-круглый пруд диаметром в семьдесят-восемьдесят метров, заполненный тёмно-кофейной водой. Приятный цвет, ничего не скажешь... Никаких тебе водорослей, кувшинок, лотосов и шустрых водомерок. И жирующей рыбы не наблюдается. Ни единого всплеска. Очень странно. Очень, очень, очень...

Подождав с минутку, девушка лукаво улыбнулась и, сло-

жив ладошки рупором, прокричала:

– Томас, отзовись! Ну, пожалуйста!

– Аль, ты окончательно сошла с ума? – из-за толстого ствола эвкалипта показался рослый светловолосый юноша. – Разве так можно? Я ей по большому секрету всё рассказал, а она.... Вдруг, кто-нибудь услышит?

– А нечего прятаться. Шутник выискался.

– Всё равно...

– Перестань, милый. Мы же находимся на нейтральной территории. Никого нет поблизости. Чуткие кенгуру и любопытные вомбаты? Ерунда, они никому не расскажут.

– Всё равно, надо соблюдать элементарную осторожность. Всегда.... Кстати, какая ещё нейтральная территория? Все эти земли – до самой изгороди из колючей проволоки – принадлежат нашей общине.

– Прекращай, роль склочного педанта тебе совершенно не идёт. Я имела в виду только то, что здесь нет посторонних ушей и глаз. Иди ко мне. Обними. Я ужасно соскучилась...

Дальше, естественно, пришло время горячих поцелуев. Чёрный кавалерийский хлыст, мешающий жарким объятиям, выпав их девичьих ладоней, спрятался в густой траве...

* * *

Отвлечёмся немного. Совсем чуть-чуть. Так сказать, для пущей информационной ясности.

Молодые люди, действительно, встретились в достаточно глухом и безлюдном месте. До городка Бёрнса, расположенного севернее, было примерно пятнадцать километров. А до поселения Форт Томпсон, находившегося к юго-востоку, порядка девяти с половиной. Между этими населёнными пунктами простирались только обширные фермерские поля, отделённые друг от друга густыми зарослями акации, да тенистые малопроезжие эвкалиптовые леса.

Бёрнс, по большому счёту, являлся небольшим посёлком городского типа с населением в пять с половиной тысяч человек. «Овощные» фермеры, садоводы, скотоводы. Школа, церковь, супермаркет, пивоваренный завод, два кинотеатра, ночная дискотека. Ничего экстраординарного. Обыкновенный среднестатистический австралийский городишко, выражаясь скучным казённым языком.

Что же касается поселения, официально (для австралийских властей и составителей географических карт), именуемого – «Форт Томпсон». Здесь всё было совсем непросто. То бишь, неоднозначно...

У данного населённого пункта существовало и второе название-наименование. Так сказать, насквозь тайное. Сугубо для внутреннего пользования. Отражающее глубинную историческую сущность.

«Круппендорф» – так величали это поселение его обитатели. Естественно, только между собой, в частных беседах-разговорах.

Немецкие корни? Ещё какие. Именно немецкая речь (в основном), и звучала на территории Форта Томпсон. То есть, на территории деревни Круппендорф, живущей по классическим баварским законам первой половины двадцатого века. И это было великой тайной, тщательно скрываемой от всех соседей.

Впрочем, особых трудностей с соблюдением секретности не наблюдалось, так как поселение было надёжно отгорожено от внешнего Мира высоченным забором, за который посторонние допускались только в исключительных случаях. В частности, речь шла о врачах, полицейских, налоговых инспекторах, социальных работниках, контролирующих соблюдение прав детей и юношества, а также о прочих представителях австралийских Властей.

Однако визиты этих уважаемых чиновников всегда носили плано-предупредительный характер. Следовательно, к ним готовились заранее. И когда важные персоны прибывали в Форт Томсон, то перед их начальственными взорами предстала совершенно обыденная и непритязательная картинка.

То бишь, мирное поселение католической общины, чьи члены слегка «сдвинулись» на некоем церковном догмате и поэтому предпочитают жить обособленно от нормальных людей. Бывает. Ничего противозаконного в этом, собственно, и нет. . . . Общие бытовые характеристики поселения? Чистенькая и ухоженная деревушка с лёгким южно-американ-

ским акцентом. Жители свободно говорят как на английском, так и на испанском языках. Переселенцы из Чили, как-никак. Переехали в Австралию пятнадцать лет назад, в несчастливом 1997-ом году, после очередного разрушительного землетрясения.... Детишки школьного возраста? И с этим не наблюдается никаких проблем и нарушений. Община, дисциплинированно следуя инструкциям социальных работников, регулярно закупает все необходимые учебники, атласы, тетрадки, карандаши и всё прочее. Два раза в год ребяташки, на арендованных специальных автобусах, выезжают в Канберру, где экстерном сдают экзамены, установленные действующим Законодательством. Всегда успешно сдают, надо заметить. Дети лишены телевизора, Интернета и компьютерных игр? Плохо, конечно. Но не является нарушением Закона.... Налоговые дела? Никаких вопросов. Покупка земли и сельскохозяйственной фермы в далёком 1997-ом году была осуществлена легально и грамотно. Комар носа не подточит. Сам посёлок занимает, наверное, менее одного процента от общего землевладения. Ещё тридцать-сорок процентов земель распахано. Культивируют, в основном, овощи, бобовые, подсолнечник и рапс. Всё выращенное реализуется сугубо оптом, через крупные и проверенные компании. Площади, занимаемые землями сельскохозяйственного назначения, самовольно не расширяются. Вырубка каждого взрослого дерева согласуется с Экологическим департаментом штата. Прожорливые кенгуру отстреливаются в строгом

соответствии с выделенными квотами...

Не было, короче говоря, у местных Властей никаких претензий к жителям и жительницам Форта Томсон.

«Побольше бы таких переселенцев», – мечтательно вздыхал губернатор штата Квинсленд. – «Отличные ребята, эти чилийцы. Только, вот.... Внешность у них несколько...м-м-м, необычная. Я всегда был уверен, что жители Южной Америки – смуглые, горбоносые, худенькие, низкорослые, черноволосые и кареглазые. Эти же, из Форта Томпсон, совсем и кардинально другие. Высоченные, широкоплечие, статные, белокожие. Носы у всех прямые и длинные. Глаза небесно-голубые. Волосы светлые и слегка вьющиеся. Нелюдимые какие-то. Избыточно-гордые. Молчаливые. Скрытные.... Забор высоченный возвели вокруг поселения. Метра три с половиной, наверное, в высоту. Колючую проволоку пустили поверху. Видеокамер понатыкали везде и всюду. Впрочем, не моё дело. Лишь бы не безобразничали...».

Чилийские переселенцы были, конечно, чилийскими. Только не совсем.

Круппендорф – в качестве южноамериканского населённого пункта – был образован в 1949-ом году на территории Аргентины, в двухстах пятидесяти километрах от Буэнос-Айреса. После завершения Второй мировой войны в Южную Америку хлынул нескончаемый поток немецких иммигрантов – и фашистских недобитков с семьями, и представителей торгово-промышленной элиты, опасавшихся пре-

следований и репрессий со стороны победивших союзников. Диктатор Хуан Перрон, правящий тогда в Аргентине, относился к идеям национал-социализма вполне лояльно и никому из немецких беженцев в убежище не отказывал. Как грибы после дождя – в западных и центральных провинциях Аргентины – начали возникать немецкие поселения. Возникать, обустраиваться, обзаводиться крепкими хозяйствами и жить по классическим немецким законам-понятиям. Не вступая, как правило, в тесные взаимоотношения с местными жителями.

Но в 1955-ом году лояльный Хуан Перрон был свергнут.

«Что же будет дальше?», – заволновались немецкие колонисты. – «Чего ждать от новых властей?».

Наиболее хладнокровные остались на месте. Мол: – «Аргентинцам – по большому счёту – до нас нет никакого дела. Им, беспокойным и непостоянным, между собой разобраться бы...».

Но многие – чисто на всякий случай – перебрались в соседний Парагвай. Вот, и Круппендорф, неохотно подчиняясь общей тенденции, стал парагвайским посёлком.

Вскоре, как назло, отстранили от власти и милейшего парагвайского диктатора Стресснера. Опять начался период мутной и сволочной неопределённости...

Ганс Мюллер (в прошлом – штандартенфюрер СС), бывший тогда бургомистром Круппендорфа, принял очередное судьбоносное решение – срочно переезжать в Чили.

Продали всё, что можно было продать, собрали нехитрые манатки и перебазировались в голубые чилийские долины – льяносы. По дороге к ним прибилося много других немецко-парагвайских колонистов, так сказать, неорганизованных.

Народу набралось много, порядка двух тысяч человек. Выбрали подходящее местечко на высоком берегу полноводной горной реки, отстроились, наладили бизнес, начали активно рожать детишек. В 1970-ом году Круппендорфу даже был официально присвоен статус «города». Чилийского города, понятное дело...

За время долгих вынужденных странствий переселенцы (ради пущей безопасности), обзавелись дополнительными южноамериканскими паспортами. «Мюллеры» – официально – стали «Родригесами». «Вагнеры» – «Сервантесами». «Моргенштерны» – «Гонсалесами». Ну, и так далее.

Жили себе. Работали. Не ленились. Неуклонно повышали благосостояние. Размножались. Верили в свою арийскую исключительность. Истово соблюдали «чистоту крови». Ждали, что когда-нибудь – непременно – вернётся время «Великого Рейха»...

Для Хосе Родригеса (Томаса Мюллера), те спокойны Времена были лишь красивой легендой. Когда ему исполнилось четыре с половиной года, в Андах произошло сильнейшее землетрясение. Круппендорф (тот, чилийский), был буквально-таки стёрт с лица земли. Стёрт до самого основа-

ния. Погибла целая куча народа. В живых осталось чуть более двухсот человек.

Прибыли чилийские спасатели. Потом подтянулись и представители различных международных благотворительных организаций, стали делать всякие заманчивые предложения, связанные с переездом в другие, более спокойные и безопасные страны. О немецких корнях пострадавших никто, естественно, и не вспоминал. По крайней мере, официально.

– Пора заканчивать с «южно-американским периодом», – решил Рауль Родригес (Отто Мюллер), отец Хосе. – Беспокойно здесь. Никакой определённости и стабильности. То революции гремят, то землетрясения... Предлагают перебраться в тишайшую Австралию? Почему бы и нет? Крупендорф разрушен, но «общинные» деньги, лежащие на банковских счетах, уцелели. Ладно, попробуем – ещё раз – начать новую жизнь...

И они попробовали. Перебрались в Австралию и купили ферму – «Форт Томпсон». Естественно, вместе с энным количеством тысяч гектаров плодородной австралийской земли.

Купили, построили крепкий жилой посёлок, который – чуть позже – огородили высоченным забором с колючей проволокой. Ею же обнесли и всё землевладение в целом.

Впрочем, в проволочном ограждении имелась узкая прореха, возле которой Аль и оставила лошадку. Лошадку оста-

вила, а сама отправилась на свиданье с Хосе. То есть, с Томасом...

Кто такая – Аль? Откуда она взялась?

Это отдельная история.

Когда Хосе вошёл в беспокойный юношеский возраст, то, как и полагается, начал засматриваться на поселковых девчонок.

Рауль Родригес это заметил и, залучив отпрыска на приватный серьёзный разговор, объяснил:

– Эти девицы, сынок, являются твоими дальними родственницами. Так что, извини, но ничего не получится. Нельзя. Природные ограничения...

– Что же мне теперь делать? – не на шутку огорчился Хосе. – Как быть? Ухаживать за посторонними особами женского пола? Где же их взять? Я за пределы Круппендорфа редко выхожу. «Чистота крови», опять же.... Значит, я никогда не женюсь?

– Женишься, не переживай, – успокоил отец. – Мы же сохранили прочные связи со многими немецкими фашистскими поселениями. И с чилийскими, и с парагвайскими, и с аргентинскими. Потом слетаешь в Южную Америку. Я тебе дам адреса, напишу сопроводительные письма. Подберёшь себе подходящую и достойную невесту. Привезёшь её сюда. Сыграем, как и полагается, весёлую баварскую свадебку...

– Слетаю в Южную Америку, когда мне исполнится восемнадцать лет?

– Нет, конечно же. По классическим немецким канонам, принятым в нашем Круппендорфе, девица может выходить замуж, начиная с шестнадцати лет. А мужчина – жениться, только по достижению двадцати одного года. Старинная и мудрая традиция. Не нами заведена, не нам и отменять.

– Получается, что мне надо ждать аж до середины 2013-го года?

– Это точно, математик. Считать умеешь. Ничего, подождёшь. Не ты первый, не ты последний...

В 2010-ом году Хосе-Томасу исполнилось восемнадцать лет, и эта данность в корне изменила его размеренную и спокойную жизнь.

Теперь Хосе мог подписывать финансовые и складские документы. Поэтому его частенько отправляли в Бёрнс – сдавать оптовикам собранный урожай, составлять накладные, выписывать счета, производить сверки по бухгалтерским взаиморасчётам.

В Бёрнсе Хосе однажды и встретился с Аль. Встретился, познакомился и влюбился – без памяти. А она, как водится, влюбилась в него. Бывает...

На самом деле девушку звали – «Алина Сергеевна Наумова». Она ещё в юном возрасте переехала (вместе со всей семьёй), в жаркую Австралию из далёкой и снежной России. Из города Санкт-Петербурга. «Аль» – это австралийский аналог её первоначального имени.

Молодые люди были абсолютно разные. Хосе – высокий,

широкоплечий, белокурый, спокойный, рассудительный, педантичный, медлительный, любящий – во всём – чёткий порядок. Алина – низенькая, худенькая, рыжеволосая, веснушчатая, стремительная, мечтательная, безалаберная, взбалмошная, непостоянная...

Говорят, что противоположности всегда притягиваются. Ну, не знаю. Не стал бы утверждать так однозначно.... Нет, конечно, они притягиваются. Отрицать не буду. Но, только, надолго ли? Вот, в чём вопрос.

Тем не менее, случилась-приключилась любовь-морковь.

Вскоре непосредственная и нетерпеливая Аль поставила вопрос ребром, мол: – «А когда, Родригес, состоится наша свадьба?».

Хосе помялся-помялся, да и рассказал любимой девушке всё. Мол, никакой он и не «Хосе», а, наоборот, «Томас». Ну, и всё остальное.

Откровенное повествование было завершено следующей фразой:

– Ничего у нас, милая, со свадьбой не получится. В Крупендорф не принимают посторонних. Ты, тем более, русская по рождению. Скандал разгорится – до самых небес.... А за чем твоим уважаемым родителям нужен я? То бишь, неотёсанный фермер из закрытого католического поселения? Да ещё и с могучими немецкими корнями?

– Подумаешь, привереды, – тут же обидчиво надулась гордая Алина, а подумав секунд десять-пятнадцать, объявила: –

Ничего страшного. Мы, просто-напросто, сбежим. Сбежим, а потом поженимся. Делов-то.

– Как сбежим-то? Куда? И на что потом будем жить?

– На моё наследство, оставленное покойным дедулей. Старикан был щедрым человеком. Я, видишь ли, являюсь богатой невестой... Только придётся немного подождать. Вот, исполнится мне восемнадцать лет, тогда. И наследством смогу распоряжаться по собственному усмотрению, никого не спрашивая. И замуж выходить... Дождёмся декабря. Полюбуемся – в последний раз – на Ночь богонгов. А потом рванём в Мельбурн, где и зарегистрируем супружество.

– Отец мне этого никогда не простит, – загрустил Хосе. – Обязательно, рано или поздно, найдёт. То бишь, найдёт и, не ведая жалости, пристрелит. Из серии: – «Подлые предатели интересов нации подлежат смертной казни. Собаке – собачья смерть...».

– Тогда мы перестрахуемся. Сперва выправим новые документы, естественно, на другие имена-фамилии, и только после этого поженимся.

– Как это – выправим новые документы?

– Так это, – дурашливо хмыкнула смешливая Аль. – Ты, часом, не забыл, что я родом из России? Так вот, в Мельбурне проживает много дедушкиных друзей-соотечественников. Русские же, как всем известно, ребята... э-э-э, ушлые, наглые и шустрые. Любые документы сварганят. За приличное денежное вознаграждение, понятное дело.

– Значит, заключим брак по подложным документам? Понятно. Я про такое читал в книжках... А что дальше?

– Уедем куда-нибудь.

– Куда конкретно? – проявил природную дотошность Хосе.

– Например, в Новую Зеландию. Отличное, на мой вкус, местечко. Среднемесячная дневная температура – в течение всего года – держится на уровне плюс двадцати двух градусов. Отсутствуют всякие кровососущие насекомые, включая москитов и клещей, а также ядовитые змеи и хищные животные. Шик, блеск и неземной комфорт, короче говоря.

– Чем же мы займёмся в Новой Зеландии? Купим крепкую ферму и будем заниматься разведением овец? Мол, высокодоходное дело?

– Овцы? Фи! От них дурно пахнет. Не люблю... Можно организовать какой-нибудь другой, более спокойный и эстетичный бизнес.

– Например?

– Ну, право, не знаю, – легкомысленно передёрнула хуленькими плечами Алина. – Я, вот, обожаю чёрный шоколад... Точно! Мы построим небольшую шоколадную фабрику. У меня даже созрела гениальная идея по новому креативному бренду. Шоколадка – «Француженка». Предлагается следующий рекламный текст-слоган: – «Самый чёрный и самый горький шоколад в Мире! Коньяк без «Француженки»? Деньги на ветер...». Как тебе, милый?

– Красиво и элегантно. Как сама ты.

– Спасибо за комплимент. Подставь губы, поцелую....

Значит, дожидаемся Ночи богонгов и сдёргиваем?

– Сдёргиваем, – тяжело вздохнул Хосе. – Пусть будет так.

С момента этого знакового разговора прошло почти восемь месяцев. Наступил декабрь. Приближалось время побега.

* * *

Объятия и поцелуи, чередуясь с нежным любовным воркованием, длились и длились....

Впрочем, всё в этом Мире – даже самое хорошее и светлое – когда-нибудь заканчивается. Да и в других Мирах – аналогично.

– Ой, мне уже пора домой! – неохотно отстраняясь от юноши, объявила Аль. – Приближается вечер. Солнышко уверенно клонится к горизонту.... Когда мы увидимся?

– В следующее воскресенье, на этом же месте, – скупой улыбнулся Хосе. – Кстати, похоже, что дату предстоящего побега придётся сместить на две-три недели.

– Почему?

– Ты же хотела – в последний раз – полюбоваться на Ночь богонгов?

– Хотела.

– Отец говорит, что в природе – из-за холодной и аномаль-

но-влажной весны – всё слегка сдвинулось. То есть, гусеницы-совки до сих пор так и не выползли из-под земли. Значит, и бабочки-богонги вылетят со значительным опозданием.

– На две-три недели?

– Ага.

– Ладно, подождём, – понимающе вздохнула девушка. – Ещё один крохотный вопрос. Что это за странный водоём? – указала рукой на идеально-круглый пруд.

– Не знаю, – признался Хосе. – И никто из наших толком не знает. По крайней мере, так принято считать.... Когда пятнадцать лет назад община покупала Форт Томпсон и прилегающие к нему земельные наделы, то в Купчей было чётко оговорено, мол: – «Покупатель обязуется не подвергать круглый водоём, обозначенный в Приложении как – «К-145/15», никакому, даже малейшему механическому воздействию. А так же сообщать – кому бы то ни было – о самом существовании упомянутого объекта...». Отец, конечно, о чём-то догадывается. Но предпочитает молчать. Видимо, бывший хозяин Форта был непростым человеком.... Иногда этот круглый прудик пропадает. То есть, исчезает...

– Как это – исчезает?

– На время, конечно. Два года назад, в двадцатых числах декабря, я случайно забрёл сюда. Прихожу, а ничего нет. Ни самой поляны, ни круглого водоёма, ни этого эвкалиптового леса. Только нудный холодный дождик капает с неба. Часа три с половиной ходил туда-сюда. Ничего не нашёл, про-

мок до костей, вернулся домой.... А в марте месяце я ещё раз наведалься в это местечко. Жгучее любопытство одолело. Прихожу, а всё вернулось на прежние места. Странность странная, как принято выражаться в современных мистических романах.

– Коварно обманываем наивную девушку? – подозрительно прищурилась Алина. – Голову морочим?

– Ничуть не бывало. Так всё и было. Готов чем угодно поклясться.... Подожди. Слышишь? Что это такое?

Над овальной поляной поплыл странный, очень низкий и приятный для слуха звук.

– Ой, посмотри-ка! – указала рукой на пруд Аль. – Очень необычно и красиво.

По тёмно-кофейной гладкой поверхности воды стали расходиться-разбегаться причудливые узоры самых разнообразных расцветок – изумрудные, сиреневые, светло-жёлтые, цвета утренней морской волны, ультрамариновые.... Узоры беспорядочно расходились, сходились, переплетались, исчезали, появлялись снова. А странный звук всё летел и летел, преобразуясь – время от времени – в изысканный и настырный перезвон крохотных серебряных колокольчиков.

Наконец, всё закончилось. Звук затих, пруд вновь стал однотонно-коричневым и скучным.

– Что это было? – удивлённо моргая редкими белёсыми ресницами, спросил Хосе. – Ничего не понимаю...

– Не знаю. Но что-то, определённо, не так, – недоверчиво

нахмурилась девушка. – Сейчас проверим.

Она подобрала с земли увесистый гранитный булыжник и, коротко размахнувшись, бросила его в воду.

Раздался глухой перестук, и камень, коротко подпрыгнув несколько раз, неподвижно застыл на гладкой поверхности.

– Пруд замёрз? – несказанно удивился Хосе. – Вода превратилась в лёд? Или же в стекло? В гладкий камень? Мы присутствовали при пробном запуске некоего механизма?

– Похоже на то, – согласилась Аль. – Цветные узоры? Может, это были сигнальные огни? Мол: – «Площадка к приёму готова»?

– К приёму – чего? Кого?

– Не знаю. Странно всё это.... Стоп. Чуть хлыст не позабыла. Впрочем, он мне и не нужен. Так, деталь костюма для верховой езды. Не более того...

* * *

Аль ловко проскользнула в узкую прореху в проволочном ограждении. Проскользнула и позвала вполголоса:

– Ласточка. Эй. Ты где?

– Р-гы! – радостно отозвалась светло-гнедая лошадь, мол: – «Я здесь, любимая хозяйка. Жду. Далеко не отходила. Как и было велено...».

– Иди сюда, родная.... Вот, молодец. Ничего себе – брюхо наела. Надо же и меру знать. Ладно, не буду больше ругать.

Стой спокойно.... Оп! Ну, чего стоим? Кого ждём? Поехали к дому...

Минут через десять Ласточка выбралась на заброшенную просёлочную дорогу. Лошадиные подковы бодро зацокали о старинную базальтовую брусчатку.

Подковы цокали, а Алина, мечтательно вглядываясь вдаль, меланхолично напевала:

Слепой котёнок, брошенный в бурную реку.

Мол, выплывет? Не выплывет? Пусть – покажет себя...

Над речной долиной – громко мяукает эхо.

Дальняя дорога – наша стезя.

Бабочки-богонги неудержимо стремятся в небо.

Может, пройти их путём?

Родниковая вода, жаркие поцелуи, корочка хлеба.

Почему бы и нет? Пройдём...

Закончив петь, девушка озабоченно пробормотала:

– Песенки, поцелуи, бабочки. Всё это, конечно, хорошо и мило.... Но насколько Хосе Родригес искренен со мной? Доверяет ли мне полностью?

Глава третья

Предсвадебное путешествие

Созвездие Кита, планета Мирра.

Беседа, естественно, велась на мирранском языке.

– Значит, вы с Арисой решили-таки отправиться в предсвадебное путешествие? – мягко улыбнувшись, спросила матушка.

– Решили, – подтвердил Свенн. – Пора.

– Ты, сынок, стал совсем взрослым.

– Это точно. Даже успел окончить столичный Университет. Причём, с отличием. И Ари недавно успешно защитила кандидатскую диссертацию. По теме – «Глобальные экономические процессы, происходящие в периферийных и приграничных Мирах»... А, правда, что на некоторых планетах, входящих в Систему, принято отправляться в путешествие не до свадьбы, а после?

– Правда, – важно кивнул головой отец.

– Но это же не логично?

– Абсолютно. В первом совместном путешествии молодые люди, оказавшись в непривычной обстановке, должны хорошенько проверить свои чувства. Новые Миры, новые ощущения, новые мысли. Можно многое понять, многое переосмыслить. Первая Дорога – из ста будущих Дорог.... Ес-

ли первая Дорога оказалась неудачной, неуспешной, некомфортной, то зачем же дальше продолжать совместный Путь? Нонсенс, иначе не скажешь.... Отправляться в путешествие после свадьбы? Когда уже ничего изменить нельзя? Какой в этом глубинный смысл? Никакого.

– Зачем же тогда многие жители периферийных планет Системы делают всё наоборот? – подключилась к разговору Ариса.

– Ты, будущая родственница, сама и ответила на собственный вопрос, – мудро усмехнулся лорд Брюс, отец Свенна. – Ключевая фраза – «периферийные планеты». Их обитатели недостаточно цивилизованы и рассудочны. То есть, зачастую, не дружат с элементарной логикой и совершают самые невероятные поступки, полностью лишённые здравого смысла.... Кстати, а какую планету вы намерены посетить?

– К-145, носящую кодовое наименование – «Земля».

– Номер маршрута?

– Пятнадцатый.

– Австралия, – понимающе переглянувшись с мужем, мечтательно протянула леди Брюс. – Знаменитая – «Ночь богонгов»...

– Вы тоже побывали там? – заинтересовался Свенн. – Во время предсвадебного путешествия?

– Побывали. Это была наша вторая совместная Дорога. Твоему отцу тогда в голову пришла гениальная идея, мол: – «Не пора ли нам обзавестись потомством?». Вот, для это-

го важного дела, дождавшись разрешения Совета, мы и отправились в путешествие. Потом, в положенное время, вернулись домой. Вернулись, прошли стандартный карантин, вскоре, сынок, ты и родился.

– Какая она, Земля? Похожа на нашу Мирру?

– Похожа? Если только планетарными размерами, атмосферой и общими условиями, делающими Землю пригодной для проживания. А, так.... На Мирре безраздельно царят плановость и рациональность. Абсолютно всё находится под жёстким контролем: климат, погода, численность населения, видовой и численный состав флоры и фауны, распорядок бытовой жизни, нормы нравственности и морали, ну, и так далее.... К-145, по сути, является анархичным и бестолковым образованием. Отсутствие Единой централизованной власти, Единого законодательства, Единой структуры управления. Как результат – регулярные жестокие войны за сырьевые ресурсы, государственные перевороты, революции, локальные кровавые бунты и прочие гадкие катаклизмы. Ещё на Земле переоценена – применительно к динамике развития тамошней цивилизации – роль частной собственности....

– Конфликт между достижениями научно-технического прогресса и узкими интересами олигархических групп? – предположила Ариса.

– Ты, девочка, очень прозорлива, – скупом похвалил лорд Брюс. – Всё так и есть. Технические и технологические до-

стижения цивилизации К-145 позволяют всем жителям этой планеты жить безбедно. То есть, полноценной и комфортной жизнью. Однако на Земле присутствует и массовая нищета. Более того, ежегодно многие десятки тысяч людей (вернее, разумных гуманоидов), умирают от банального голода. Кто в этом виноват? Естественно, транснациональные корпорации, холдинги, компании и банковские структуры, принадлежащие – по факту – группе конкретных жадных индивидуумов.

– Рыночная экономика не может функционировать и развиваться в условиях товарного изобилия? Поэтому достижения научно-технического прогресса используются вяло и сугубо выборочно? Процентов на десять-двадцать?

– И здесь ты права. Слабо-регулируемый глобальный рынок – штука капризная и коварная. Он обожает жировать и спекулировать в условиях хронического локального дефицита. Причём, постоянно стремясь к установлению разнообразных (по форме), монопольных отношений. Планомерный переток капиталов, сырья и прочих ценностей. Тем более, монопольно организованный. К чему он приводит?

– К обнищанию одних регионов и обогащению других. Потом капиталы начинают перемещаться в обратном направлении. Происходит так называемый «эффект зеркального отображения». Глобальный рынок, опираясь на «кризисные периоды», идёт на новый круг. Естественно, что термины «обнищание» и «обогащение» носят условно-образ-

ный характер, так как – на любой стадии процесса – все дивиденды и преференции достаются только олигархическим группировкам...

– Перестаньте, пожалуйста, – взмолился Свенн, который во время обучения в Университете специализировался на социологии и прочих гуманитарных науках, а в экономике (тем более, в глобальной), совершенно ничего не понимал. – Давайте, поговорим о сегодняшнем населении Земли? Кто они? Какие? Чего ожидать от общения с ними? Это, извините, вопросы далеко неспроста. Я внимательно изучил предложенную экскурсионную программу. Там предусмотрен и такой необычный сервис (достаточно дорогой, надо признать), как – «театрализованное посещение поселений местных аборигенов».

– Земляне..., – неодобрительно покачала головой леди Брюс. – Странные они. Непредсказуемые. Нелогичные. Не умеющие жить рассудочно. Не желающие ставить целесообразность превыше всего. Не имеющие чётких и всеобщих критериев нравственности и морали. Дикие и нецивилизованные, короче говоря. Но, надо признать, очень занятные...

– Откуда они, вообще, взялись? А сам объект К-145? Какова его история? В компьютерной Базе практически ничего нет. Так, только общие физические сведения – диаметр планеты, краткое перечисление географических объектов, скупое описание климатических особенностей и животного мира.

– Действительно, объект неординарный. Многие миллионы лет тому назад Земля являлась обыкновенным, очень горячим каменным шаром. Естественно, необитаемым. Высокколобые учёные из мирранского Исследовательского Центра решили использовать данную планету в качестве многопрофильного научного полигона. Какие исследования и эксперименты проводились? Не знаю, честное слово. Эта информация до сих пор является закрытой. Тем не менее.... Наши далёкие предки снабдили околопланетное пространство К-145 нужной атмосферой, включающей защитный озоновый слой. Заполнили водой горные трещины, расщелины и впадины. Доставили различные бактерии, микроорганизмы, растения и первых живых существ. Затем – в строго определённый период развития – осуществили ряд плановых мероприятий, направленных на появление разумной жизни.... Корни землян? Они, естественно, являются прямыми потомками «изъятых». Причём, «изъятых» с самых разных объектов. И с К-15, и с К-49, и даже со знаменитого К-125. Естественно, что скрещивание таких разных по природным и иным особенностям видов привело к нестандартным результатам. Впрочем, это только слухи.... Итак, многие миллионы лет мирране старательно и целенаправленно отработывали на Земле некие секретные научные программы. Отработывали-отработывали, отработывали-отработывали. А потом, несколько земных веков назад, прекратили. То есть, Система, «подарив» на прощанье жителям К-145 секрет поро-

ха, перестала вмешиваться в дела землян. По крайней мере, такова полуофициальная версия... Почему – перестала вмешиваться? Трудно сказать. Возможно, что в этом и заключается главный эксперимент. Мол, понаблюдаем, как эти дикие твари будут, не ведая жалости, изничтожать друг друга. Ведь, зонды-разведчики Системы до сих пор продолжают изредка посещать данный объект. Впрочем, как и мирные звездолёты с любопытными путешественниками. А ещё ходят упорные слухи, что и секретные агенты наших спецслужб постоянно присутствуют на Земле. Мол, выполняют там некую жутко-тайную миссию...

– Извините, но нам уже пора, – объявила памятливая и дисциплинированная Ариса. – Надо пройти собеседование, медкомиссию, подписать целую кучу разных бумаг.

– Когда состоится старт?

– Уже завтра. В полдень.

– Что же, ребятки, счастливо вам попутешествовать. Первая Дорога, она самая-самая важная. Только, вот..., – лорд Брюс на секунду запнулся. – Будьте поосторожней. И постарайтесь как можно меньше общаться с землянами. Ни к чему это. Совершенно бесполезное и бесперспективное занятие. Причём, отнюдь, небезопасное...

* * *

Свенн и Ари вышли на широкий балкон и, пройдя через

специальную калитку в металлическом ограждении, заняли места в светло-сиреневой вимане, припаркованной к означенному балкону. Девушка, как и всегда, заняла водительское место.

Что такое – вимана? Летающая машина, грубо говоря. Ну, как в знаменитом голливудском фильме – «Пятый элемент».

В правом углу прямоугольной приборной доски горели ярко-зелёные цифры – 12, 34 и 76. Это компьютерная система управления любезно рекомендовала наименее загруженные «горизонты».

Ариса уверенно ткнула указательным пальцем в цифру «76», после чего нажала на кнопку «Пуск».

Чуть слышно загудели мощные электромагниты, и вимана, выждав пару секунд, плавно устремилась вверх.

– Зачем забираться так высоко? – скривился Свенн. – Не люблю. Голова начинает кружиться...

– Ты, милый, забыл, что офис компании «Сто Дорог» находится на девяносто втором этаже? – усмехнулась девушка.

– Действительно, забыл.

– Вечная история. Забывчивый ты мой.

– Ну, извини. Исправлюсь. Может быть.... Хочешь, в плане компенсации, расскажу последние новости крикета? Про чемпионат Мирры? Про кубок Системы?

– Расскажи. Буду признательна.

Так происходило почти всегда – Свенн что-то увлечённо рассказывал, а Ари внимательно слушала, изредка задавая

короткие уточняющие вопросы. Когда же слушать надоело, то она принималась ворчать.

Очень разными они были. И по темпераменту, и вообще...

Ариса являлась стопроцентной и чистокровной мирранкой. Вследствие чего была очень спокойной, целеустремлённой, хладнокровной, уравновешенной, подозрительной и молчаливой. А когда не молчаливой, то очень ворчливой. Порой даже сварливой.

Брюсы же считались потомками переселенцев с планеты К-10, расположенной в созвездии Стрельца. Беспокойный этот знак Зодиака. Причём, до полной невозможности. Поэтому Свенн отличался повышенной болтливостью, забывчивостью, порывистостью, мечтательностью, далее по бесконечному списку.

Внешность молодых людей? У жителей планеты Мирра с этим никаких проблем не наблюдалось. То бишь, внешность, включая рост, вес и особенности фигуры, можно было менять по собственному усмотрению. Естественно, предварительно согласовав все детали и параметры с «Департаментом внешних данных». На тот момент в моде (уточняю, в молодёжной среде), были высокие широкоплечие блондины и миниатюрные веснушчатые шатенки – с пикантным рыжеватым оттенком-отливом волос.

Минут через десять, когда спортивные новости подошли к концу, молодой лорд Брюс прозрел и принялся возмущаться:

– Да, ты меня совсем не слушаешь! Я, понимаешь, распинаюсь, а она... Как только не стыдно?

– Прости, слегка задумалась, – невозмутимо пожала плечами девушка. – С каждым может случиться.

– Задумалась.... О чём, если не секрет?

– Об «изъятых». Я была уверена, что их просто убивают, а мёртвые тела сжигают в крематориях. Оказывается, не всегда. Твоя матушка проговорила. Мол, Земля была заселена «изъятыми» с К-15, К-49 и даже с К-125.

– И что же это меняет?

– В принципе, ничего...

* * *

Дам, пожалуй, уважаемые мои читатели, краткое пояснение.

Система, в состав которой входило порядка двухсот пятидесяти планет, населённых разумными гуманоидами (людьми, по земным понятиям), функционировала уже чёрт знает сколько миллионов лет. Причём, функционировала крайне жёстко – и по отношению к ближайшим соседям, и по отношению к собственным жителям. «Закон о накопительных штрафных баллах», будь он неладен.... Например, некто был уличён в незначительном компьютерном мошенничестве. Получи, мерзавец, пять штрафных баллов. Потом тот же наглый тип грубо нарушил правила воздушного дви-

жения. Ещё десять штрафных. Неподобающее обращение с домашними животными? Очередная десяточка. Попытка завести «несанкционированного» ребёнка? Четвертак. Ну, и так далее... А если количество штрафных баллов, набранных конкретным индивидуумом, переваливало за сто, то такого индивидуума незамедлительно «изымали». Был человек (выражаясь земными терминами), и нет человека. Ничего хитрого. Жестоко, спора нет, но – при этом – и эффективно... А ещё бывало, что некоторых индивидуумов «изымали» сразу, без учёта набранных штрафных баллов. То есть, по итогам «профилактических мероприятий». Спецслужбы регулярно «считывали» мысли у жителей Системы. Не у всех, понятное дело, а лишь выборочно. Учитывая рекомендации и советы профильных компьютерных программ. Мол, у некоторых персон в головах бродят такие крамольные мысли, что без срочного «изъятия» никак не обойтись. Себе дороже...

* * *

После двадцати-тридцати секунд тишины Свенна снова потянуло на пространные разговоры. Сладко зевнув, он заявил:

– Мой папаша, конечно, человек заслуженный, опытный и облачённый высоким доверием Системы. Но иногда, честное слово, напоминает мне наивного мальчугана раннего школь-

ного возраста. Мол: – «Почти вся информация об объекте К-145 является закрытой...». Ну-ну. Я тут парочку вечеров посидел в Системной Паутине. Нарыл всякого и разного. В том числе, и по нашему маршруту. Даже ознакомился с многочисленными объёмными слайдами, посвящёнными Ночи богонгов...

– Вот же, заразы! – ловко управляясь с рычагом управления, ругнулась Ариса. – Движение сегодня избыточно-оживлённое. Сплошные грузовые виманы. Так и норовят, сволочи заносчивые, поджать.... Ну, что там с этой легендарной ночью?

– Сейчас расскажу. Слушай.... Планета Земля. Континент Австралия. Граница Квинсленда и Нового Южного Уэльса. Это такие территориальные земные округа. Фермерские земли. Овощная «житница» Австралии. Бескрайние холмистые поля, засеянные зелёным горошком, картофелем, капустой, свёклой, морковью и так далее.... Начало лета, вторая декада декабря месяца. Прошли последние – перед сезонной засухой – дожди и ливни....

Когда рассказ о нелёгкой доле бабочек-богонгов подошёл к концу, Ари, непонимающе передёрнув плечами, резюмировала:

– Куча нерациональных смертей. Никакой, даже маломальской целесообразности. Ради чего всё это? Дикость какая-то. На цивилизованных планетах Системы такое – в принципе – невозможно. Ни с бабочками, ни с птицами, ни с

животными, ни с разумными гуманоидами. . . . Прав, по всей видимости, мудрый лорд Брюс. Что-то наши неугомонные учёные слегка заигрались с этой Землёй. Видимо, ставили какие-то ошибочные эксперименты. Бестолковая история.

– Зато красивая.

– Красивая? – поморщилась девушка. – Ну-ну. Выходцы с объекта К-10 всегда отличались наивной сентиментальностью и нелогичной мечтательностью.

– Не согласен. Перебарщиваешь.

– Успокойся, милый. Подлетаем к нужному небоскрёбу. Не мешай, пожалуйста, парковаться. Потом доспорим, уже на этой нерациональной Земле. . . .

Офис компании «Сто Дорог» был – по мирранским стандартам – совершенно неприметным: разноцветные кресла-трансформеры, автоматы с прохладительными напитками и бесконечная череда столиков, заваленных разнообразными навороченными гаджетами на любой вкус.

Выяснилось, что в предсвадебное путешествие на К-145 (пятнадцатый маршрут), отправляются сразу двадцать шесть пар.

Та ещё была картинка: двадцать шесть крепких блондинистых парней и столько же худеньких вертлявых шатенок. Мода – великая сила. Тем более, на планете, где кардинальная смена внешности является делом простым и необременительным. Конечно, нельзя сказать, что все юноши (да и девушки), были на одно лицо. Разные носы, брови, уши, разрез

глаз и так далее. Но, если смотреть издали... Волей-неволей возникнут мысли о каком-то серьёзном театральном представлении. Или, например, о масштабном ток-шоу двойников. Шум, гам, скупые мужские приветствия, радостное и залиvistое девичье хихиканье...

– Тихо всем! Прекращайте галдеть! Успокойтесь! – велела старший менеджер компании Линда Спрай (платиновая пухленькая блондинка – в полном соответствии с модными тенденциями, характерными для представителей среднего поколения Мирры). – Ну, успокоились, болтуны и болтушки? Рассказываю о дальнейшем распорядке. Естественно, в хронологическом порядке. Первое, проходим медосмотр на предмет выявления хронических отклонений и заболеваний, противопоказанных при межзвёздных перелётах. Понимаю, что это – пустая формальность и трата времени. Но, всё же. Так полагается.... Что, собственно, непонятного? Вас, потенциальные женихи и невесты, озаботило слово – «проходим»? Да, я тоже лечу с вами. Естественно, в качестве строгого и полномочного командора экспедиции.... Второе, дружно глотаем белые пилюли, предложенные врачами. То есть, получаем полный и надёжный иммунитет от всех болезней и вирусов, имеющих место быть на объекте К-145. А также от укусов всяких ядовитых гадов и насекомых. Третье, надеваем на головы наушники и получаем лёгкое специализированное облучение мозга, после которого полностью овладеваем всеми основными языками, распро-

странёнными на Земле. Четвёртое, проходим сжатый обучающий курс, посвящённый элементарным правилам безопасности во время предстоящего путешествия. Пятое, подписываем всякие секретные бумаги. То бишь, обязательства о неразглашении.... Шестое, разлетаемся по домам. Седьмое, ужинаем и ложимся спать. Восьмое, просыпаемся, умываемся, выполняем комплекс обязательных спортивных упражнений, принимаем контрастный душ, завтракаем и призываем – без опозданий – на космодром. Девятое, стартуем к К-145.... Всё ясно? Вопросы, надеюсь, отсутствуют?

– Можно? – вскинул вверх руку Свенн.

– Спрашивай, юноша.

– А сколько времени мы пробудем на Земля? Какова программа посещения этой далёкой и дикой планеты? Я, конечно, внимательно ознакомился с официальным рекламным проспектом. Но, всё же, хотелось бы уточнить некоторые детали...

– Судя по всему, я имею дело с юным представителем славного семейства лордов Брюсов?

– Ага, точно. Как вы узнали?

– По жгучему природному любопытству, мой милый мальчик, – по-доброму усмехнулась Линда. – Отвечаю на твои вопросы. На К-145 мы пробудем порядка десяти-двенадцати суток. Земных суток, понятное дело. Программа посещения? Самая элементарная. Приземляемся. Естественно, на специальную площадку, расположенную на террито-

рии лагеря, закрытого для аборигенов. Знакомимся с местной флорой и фауной. Учувствуем в заранее запланированных научных экспериментах. Отбираем пробы воды, воздуха и почвы.купаемся, загораем, ловим красивых бабочек, охотимся и рыбачим. Развлекаемся. Соревнуемся. Организуем и принимаем участие во всяких интересных конкурсах. Наиболее отважные путешественники и путешественницы могут – с соблюдением тщательных мер предосторожности – посетить ближайшие населённые пункты. Ну, и ещё всякого – по мелочам. . . . Всё, разговоры закончены! Приступаем к выполнению озвученных мероприятий!

Они и приступили. Успешно прошли медосмотр. Дружно проглотили предложенные овальные пилюли. Провели определённое время с крохотными наушниками на головах. Прошли подробный инструктаж, посвящённый правильному и безопасному поведению на К-145. Подписали пространные обязательства о неразглашении. Разлетелись по домам. Поужинали и легли спать. Проснулись, умылись, сделали зарядку, приняли контрастный душ, позавтракали и прибыли на космодром. Сдали носильные вещи в багаж. Дождавшись приглашения, прошли в космолёт (то бишь, в стандартную «летающую тарелку»), и расселись по местам.

– Пристегнуть ремни! – прозвучала команда из динамиков. – Надеть на лица маски!

Из продолговатых ящичков, закреплённых над креслами, вывалились чёрные «кульки» на длинных серых шлангах.

Одели, понятное дело.

По шлангам пошёл соответствующий газ. Пассажиры крепко уснули. То есть, если выразаться по-научному, впади в глубокий анабиоз.

«Тарелка» успешно взлетела и, через некоторое время, преодолев планетарное притяженье Мирры, оказалась в открытом космосе. Вскоре из специальных отверстий в ободке аппарата начала выделяться странная светло-жемчужная субстанция, постепенно обволакивая дискообразный корпус плотным коконом.

Звездолёт, оказавшись в «плазменном мешке», резво устремился по заранее намеченному маршруту. Причём, со скоростью, в сотни раз превышающей Скорость света...

* * *

Полёт от созвездия Кита (по земным представлениям), занял примерно четверо суток (по земным же понятиям).

В положенное время космический корабль, предварительно втянув «плазменный мешок» внутрь, совершил мягкую посадку на специальной тёмно-коричневой площадке, расположенной на планете Земля – в пятнадцати километрах к югу от крошечного городка Бёрнс, штат Квинсленд, Австралия.

Выключились посадочные двигатели. Ещё через несколько секунд над местом посадки был установлен невидимый –

для человеческого глаза – Защитный Купол, «забрав» (временно, понятное дело), из «земного обращения» около шести квадратных километров территории.

А в голове спящей Арисы навязчиво шелестели странные мысли: – «А так ли он прост, лорд Свенн Брюс, мой обожаемый и ненаглядный женишок? Может, он просто притворяется? Мол: – «Являюсь легкомысленным вертопрахом и мечтательным недотёпой...». Ну-ну, скоро проверим. Как и было велено...».

Глава четвёртая

Двадцать три пули

Австралия, город Канберра, квартира Старшего криминального инспектора Хавьера Эрнандеса.

Отпуск, как известно, дело серьёзное. В том смысле, что к нему надо тщательно и вдумчиво подготовиться. По-взрослому, без дураков. То бишь, переделать все-все текущие бытовые дела, уладить все-все служебные нестыковки и только после этого – с чистой и спокойной совестью – отправляться на заслуженный отдых.

Поэтому суббота и воскресенье – для Старшего криминального инспектора Эрнандеса – автоматически преобразовались из выходных дней в рабочие.

В воскресенье Смок планировал заняться сугубо служебными вопросами. А именно, плотно засесть – с самого утра – в окружном офисе, подшить в картонные и пластиковые папки разные важные бумаги и бумажки, разобрать содержимое сейфа, составить необходимые справки и отчёты, затребованные Прокуратурой и Министерством. Дабы в понедельник, не ведая никаких моральных преград, успешно сгрузить все дела и заботы на плечи одного из заместителей...

А субботу он посвятил разрешению разнообразных бытовых заморочек. Проснулся в половине восьмого, сделал лёг-

кую физзарядку, позавтракал, выкурил – под чашечку крепкого чёрного кофе без молока и сахара – первую утреннюю сигарету и отправился, прихватив пухлую барсетку, в банк ANZ. Там Эрнандес оплатил накопившиеся счета. На оплату своих ушло минут восемь-десять, не больше. А, вот, со счетами Исидоры образовалась заминка. Во-первых, их было раз в пять-шесть больше. Во-вторых, многие из них оказались просроченными. Пришлось ждать, пока медлительные банковские клерки рассчитают и начислят полагающиеся пени.

После этого Смок посетил городскую Фондовую биржу. Внимательно ознакомился с динамикой котировок основных акций. Поговорил с брокером, дал подробные указания на ближайшие две недели – относительно личного (пусть и очень скромного), «портфеля» ценных бумаг. Мол, когда и что продавать, когда – что покупать.

Оставалось главное – проконтролировать ленивых и нерадивых подрядчиков. Исидора, будучи дамочкой капризной и взбалмошной, затеяла очередной косметический ремонт в загородном поместье – смена паркета во всех помещениях первого этажа, ремонт водопровода и канализации, поклейка новых модных обоев в спальнях и гостевых комнатах, что-то там ещё по мелочам. Пришлось поехать за город.

Неблагодарное это дело – плотно общаться с жуликоватыми прорабами и хитрыми бригадирами. Но он справился и с этим – проверил, вывел на чистую воду, разоблачил, постро-

ил, отругал, пообещал отрезать уши, поставил новые цели и задачи.

Короче говоря, домой инспектор Эрнандес вернулся усталым и измотанным, как сторожевая собака ранним утром. Или же, наоборот, как тягловая лошадь поздним вечером...

* * *

Приближалась полночь. Хави решил посмотреть старенький французский боевик – «Двадцать две пули» – с Жаном Рено в главной роли. Перекачал в ноутбук фильм с пиратского сайта (национальная аргентинская привычка), нажал на – «Просмотр».

Злые и бездушные гангстеры окружили добросердечного героя, которого играл изысканно-небритый Жан (бывшего гангстера, навсегда порвавшего с преступным миром), и, мерзко ухмыляясь, открыли шквальный огонь из чёрных пистолетов:

– Бах! Бах! Бах!

– О-о-о! – неловко падая на бетонный пол, глухо простонал мужественный Рено. – Умираю, мать вашу...

Бандиты, посчитав дело сделанным, расселись по шикарным тачкам и уехали восвояси. Случайный прохожий вызвал врачей, которые, оперативно приехав, извлекли из отставного гангстера двадцать две пули. Причём, практически из всех частей тела, не считая головы.

Не смотря на это, герой Жана Рено выжил. Более того, быстро пошёл на поправку и вскоре, наспех залечив раны, принялся изошрённо мстить коварным мафиози.

– Ерунда ерундовая и бред бредовый, – лениво прихлёбывая пиво из банки, прокомментировал Смок. – Разве можно выжить, получив двадцать две пушлетные пули? Какой законченный олух и недоумок писал сценарий? Позорище натуральное. Так его и растак. С полицией надо советоваться. Хотя бы иногда...

Противно пропел зуммер домофона.

Смок остановил кинопросмотр и, нажав на зелёную кнопку плоского пульта, поинтересовался:

– Что тебе, Санти?

– К вам гости, инспектор, – доложил консьерж. – Сеньор Макс Смит и сеньорита Танго.

– Спасибо. Запускай.

Смок выключил компьютер и, не вставая с низкой кушетки, нажал на синюю кнопку пульта. Чуть слышно щёлкнул механизм входного замка, тоненько проскрипели дверные петли.

Через пару минут послышался шорох шагов. В комнату вошли двое. Высокий, худой, мосластый и плешивый – Макс Смит. И Танго – пышная молоденькая брюнетка, слегка похожая на некую среднестатистическую актрису из голливудских фильмов прошлого века.

– Привет, шеф, – натянуто улыбнулся Макс.

– Привет, – подозрительно щурясь, отозвался Смок. – Чего, соратники, припёрлись?

Макс Смит и Танго, как легко догадаться, являлись помощниками кабальеро Эрнандеса. То бишь, служили в Криминальном управлении округа «Южная Канберра» обычными криминальными инспекторами.

Танго? Согласен, странное имечко. Только это не имя, а прозвище. Товарищеское, так сказать. Как именовали помощницу Старшего криминального инспектора на самом деле? То бишь, по официальным документам? Смок и сам не знал. Вернее, знал когда-то, но уже позабыл. Бывает. Девушка-то не местная. Её прислали в Канберру месяца четыре тому назад. На стажировку, в рамках какого-то там международного обмена. То ли из Дублина, то ли из самого Лондона. Эрнандес никогда не интересовался подобными мелочами. Прислали и прислали. Стажируйся на здоровье, не жалко.... А поскольку барышня, едва появившись в Управлении округа, тут же потребовала предоставить ей перечень адресов лучших танцевальных школ Канберры, то и получила соответствующее прозвище – «Танго». Обычное дело. Если, конечно, вдуматься...

– Привет, – подозрительно прищурившись, отозвался Смок. – Чего, соратники, припёрлись?

– Графа убили, – криво улыбнувшись, сообщила Танго. – Совсем.

– Как это – убили? Его же должны были арестовать.

– Прокурор-скволыга так и не подписал в пятницу ордера на арест. Мол, улик недостаточно. Сука жирная.

– Недостаточно? Восемнадцать ящичков из-под оружия – пустячок? Причём, со свежими заводскими этикетками? Автоматы, снайперские винтовки, полевые миномёты, гранаты с химической начинкой, взрывные устройства с часовыми механизмами...

– Ничего этого не было, – виновато шмыгнув длинным носом, напомнил дотошный Макс. – Только восемнадцать фанерных ящичков с этикетками. Подчёркиваю, пустых ящичков.

– А промасленная бумага и следы оружейной смазки? – нахмурился Эрнандес.

– Граф дал письменное объяснение.

– Какое?

– Мол, весна нынче выдалась холодная и промозглая. Сплошная сырость. А паровое отопление отсутствует, так как он проживает в доме старинной постройки. Решил протопить камин. Дров в продаже нет. Купил – по случаю, у неизвестного индивидуума – восемнадцать фанерных ящичков. Пустых, понятное дело. Сугубо на дрова. Вместе с промасленной бумагой и непонятными тёмно-бурыми пятнами...

– И уважаемый господин Окружной прокурор поверил этой хрени, притянутой за уши?

– Не знаю. Врать не буду. Но ордера на арест подозреваемого так и не подписал.

– Старый вонючий и пархатый козёл! – в сердцах сплюнул на пол Смок. – Законченный перестраховщик и злостный бюрократ.... Как убили Графа? Когда? Где? Кто?

– Последний вопрос – на сто процентов – риторический, – язвительно усмехнулась Танго. – Если бы мы знали – «кто», то и вели бы себя по-другому. Скакали бы до самого потолка и хохмили бы – без передыху. Виски бы принесли с собой. Как и полагается...

– Отставить – словоблудие!

– Есть, отставить! Докладываю. Сегодня, в семнадцать ноль-ноль, Граф покинул свой особнячок. В том смысле, что сел в «Бентли» последней модели и усвистал. Только пыль из-под широких колёс. Вперемешку с буро-жёлтыми листьями, опавшими с платанов прошлой осенью...

– Заканчивай выёживаться, декадентка законченная. Говори по делу.

– Хорошо. По делу, так по делу.... Труп обнаружили в двадцать сорок пять, на подземной парковке супермаркета, расположенного в семи минутах ходьбы от вашего дома, шеф.... Как убили почтенного Графа? Расстреляли. Похоже, сразу из нескольких пистолетов. Напичкали свинцом под самую завязку. Из серии: – «Мама не горюй...». Или же: – «По самое не балуйся»? Непростая такая философская дилемма. Практически, на мой частный взгляд, неразрешимая...

– Отставить, – закуривая сигарету, поморщился Смок. –

Разговорчивая ты моя. Сколько дырок насчитали в хладном теле? Неужели, двадцать две?

– Двадцать три, – непонятно вздохнул Макс.

– Последний выстрел был произведён в голову пострадавшего, – мило улыбнувшись, пояснила Танго. – Прострелена лобовая кость. Так называемый контрольный выстрел. Журналистский штамп, мать их всех. Оптом и в розницу.... Что с вами, шеф?

– Ничего. Тебе, верная соратница, показалось.... Макс, принеси-ка пивка из холодильника. Банок пять-шесть. И креветки прихвати. И подсолённые орешки. И чипсы...

Смит состроил недовольную гримасу, но подчинился.

Хави с громким «пшиком» вскрыл банку с пивом.

– «Кильмес-Кристалль», – печально усмехнулся Макс. – Аргентинская классика. Другого он не пьёт.

– Консерватор, никогда не меняющий бытовых привычек, – уважительно дополнила Танго. – А булькает-то как бойко. Можно обзавидоваться. Силён, бродяга.... Похоже, впал в ступор?

– Не исключено.

– Ага, покончил с первой банкой. Вскрыл вторую. Булькает. Тяжёлый случай.

– Можно уматывать, – загрустил Смит. – Когда нашего шефа посещает серьёзная задумчивость, то это надолго. Ничего не видит. Никого не слышит. Как самец благородного оленя во время весеннего гона. Можно стоять на ушах. Стро-

ить мерзкие гримасы. Обзывать нецензурными словами. Танцевать в голем виде на письменном столе. Всё равно ничего не заметит. Проверено... Пошли отсюда?

– Пошли, верный соратник, – вздохнула Танго. – Позвонит, родной, если надумает чего дельного.

– Это точно. Позвонит, наорёт и загрузит дурацкими поручениями – по полной программе. Только держись, босота...

Подчинённые, недовольно переговариваясь между собой, ушли. Тихонько щёлкнул дверной замок.

* * *

Длинно и настойчиво зазвонил телефон. Замолчал. Через пару секунд зазвонил снова. И так несколько раз подряд.

– Исида беспокоится, – Смок, нехотя выныривая из тягостных раздумий, потянулся к телефону.

Про Исидору, уважаемые читатели и читательницы, расскажу вам отдельно. Как-никак, приметная и неординарная личность, заслуживающая нескольких добрых слов.

Глава пятая

Бульдоги, актриса и шпионские следы

Из круглых карих глаз упитанного усатого мужчины, неуклюже сидящего на тротуаре, капали неправдоподобно-крупные слезы. Рот несчастного кривился в гримасе нешуточного ужаса. И было, честно говоря, от чего испугаться.

Позади мужчины, положив на его плечи толстые кривые лапы, располагался матёрый бульдог с массивным бронзовым кольцом в правом тёмно-рыжем ухе. Могучие челюсти пса были недвусмысленно сжаты на шее потенциальной жертвы.

– Ну, и что все это значит? – вкрадчиво поинтересовался красивый мужской баритон.

Это сам господин Окружной прокурор, наконец-таки, пробрался через толпу праздных зевак.

Смок, невозмутимо выпуская изо рта идеальные табачные кольца, легкомысленно вздохнул:

– Это, извините, Бульдог...

– Я вижу, что не французская болонка! – в голосе прокурора явственно обозначились гневные нотки. – Прекратите ваши плоские шуточки, инспектор! Что произошло с этим...

м-м-м, человеком? И, собственно, кто он такой?

– Извините ещё раз, но я и имел в виду человека, – Смок ловким щелчком отправил окурочек в ближайшую урну. – Вы видите перед собой Гарри Бульдога, гангстера средней руки. Он уже давно в розыске – примерно год тому назад застрелил одного крупного бизнесмена и ранил его жену, весьма известную театральную актрису.

Прокурор одобрительно хмыкнул:

– Молодцом, инспектор, поздравляю. А эта славная собачка является вашим новым сотрудником?

Инспектор не успел ответить, к слугам закона – через плотный строй любопытствующих – с трудом протиснулась инвалидная коляска. В коляске полулежала-полусидела измождённая женщина неопределенного возраста, одетая во все черное.

– Нет-нет, это мой пес, – голос напоминал чуть слышный шорох морского прибоя.

Искусанные карминные губы женщины застыли в странной загадочной улыбке, огромные зеленые глаза смотрели отстранённо и безразлично. Пряди черных, давно невымытых волос свешивались – неопрятными длинными сосульками – вдоль впалых щек. Тоненькие ручки-палочки безвольно лежали на подлокотниках инвалидного кресла.

Несмотря на все это, говорившая была необычайно красива. Смок знал это совершенно точно, хотя объяснить, как такое возможно, вряд ли бы смог. Просто знал.

Женщина-инвалид негромко свистнула, и ужасные челюсти пса послушно разжались. Полузадушенный бандит, жалобно скуля и нервно икая, отполз к ногам инспектора. Бульдог-пес, довольно щурясь и многозначительно облизываясь, уселся около хозяйской коляски.

– Отпустите нас, пожалуйста, – продолжал монотонно шелестеть морской прибой. – Мы..., он нечаянно и..., больше не будет.

– Ну, что вы, мадам, – беззаботно пропыхтел Окружной прокурор, сноровисто защёлкивая на запястьях Гарри Бульдога наручники. – Мы, наоборот, очень благодарны за бесценную помощь. Мои сотрудники помогут вам добраться домой. Обязательно...

Инспектор Смок слегка волновался. Он ехал на встречу с Исидорой Санчес (известной австралийской театральной актрисой), чтобы пригласить ее на опознание задержанного преступника. Можно было, конечно, послать по почте казенную бумагу, но сильна, все же, в простых смертных тяга к живому общению с кумирами...

Актриса жила в просторном загородном доме приятной архитектуры, расположенном в старом ухоженном парке.

– Они с собачкой гуляют, – лукаво улыбнувшись, сообщила смазливая горничная. – Если пойдете направо по главной аллее, то обязательно встретите.

Инспектор, пройдя в указанном направлении метров двести пятьдесят, присел на хрупкую садовую скамейку и раз-

вернул вчерашнюю газету.

Тихое весеннее утро дышло покоем. Шустрые рыжие белки жизнерадостно цокали в кронах высоченных платанов.

Через недолгое время (Смок успел ознакомиться только с последними новостями спорта), на гравийной парковой дорожке показалась одинокая бегунья – стройная девушка в изумрудном спортивном костюме, платиновая блондинка с короткой стрижкой.

Не добежав до инспектора совсем чуть-чуть, девушка остановилась, резко обернулась назад и звонким голосом прокричала кому-то невидимому:

– Гарри, противный мальчишка! Быстро ко мне!

У бегуньи были огромные озорные зеленые глаза и изысканно очерченные маленькие карминные губы, застывшие в странной загадочной улыбке.

Из ближайших кустов боярышника с треском вывалился неуклюжий приземистый бульдог. В правое тёмно-рыжее ухо пса было вставлено массивное бронзовое кольцо.

Инспектор, смущённо потупив взор, старательно изучал прогноз погоды на следующую неделю. Девушка с собакой исчезли за ближайшим поворотом.

«Лучше будет, наверное, вызвать казённой бумагой», – засомневался инспектор Смок. – «Да и в театр не мешало бы как-нибудь сходить. Давно не был, чёрт побери. Отстал от жизни...».

И вызвал, и сходил, и познакомился.

Потом влюбился, а Исида влюбилась в него?

Ну, я не был бы так категоричен. Действительно, Хави и Исидора увлечённо, до потери пульса, «играли в любовь». Сходились и расходились. Ссорились (с битьём столовой посуды), и мирились (сутками не вылезая из постели). Изнывали от ревности и сгорали от страсти....

А, вот, до свадьбы, к сожалению, так и не дошло. Обычное дело для легкомысленной и раскованной Австралии. Здесь главным считается сама «любовная игра», а не её конечный результат. Конкретные мужчина и женщина могут «хороводиться» до полной бесконечности. То бишь, до того судьбоносного момента, пока за дело не возьмутся суровые родственники и не загонят заигравшуюся парочку под венец. В данном случае с этим наблюдались определённые сложности – Смок был круглым сиротой, а все родственники Исидоры (переселенцы из Чили), проживали в городе Веллингтоне, то есть, в Новой Зеландии.

* * *

Длинно и настойчиво зазвонил телефон. Замолчал. Через пару секунд затренькал снова. И так несколько раз подряд.

– Исида беспокоится, – Смок, нехотя выныривая из тягостных раздумий, потянулся к телефону.

– Привет, милый! – зачастил звонкий женский голосок. – Не разбудила? Готов к отпуску? Все важные дела переделал

и уладил? Был в поместье? Как там продвигается ремонт? Подрядчики по-прежнему воруют и ленятся? Как себя чувствует Гарри? Что с моими золотыми рыбками? А ты? Скучаешь? Улыбаешься?

Когда Исидора разговаривала в такой манере, то это означало только одно – она чем-то очень сильно расстроена.

Но Эрнандес, будучи кавалером опытным и хорошо воспитанным, с вопросами приставать не стал. Мол: – «Зачем? Женщины – существа особые. Они не любят, когда мужчина старается забрать зыбкую нить разговора в свои грубые и неуклюжие руки...».

Поэтому он коротко поведал о своей вечной и огромной любви. Подтвердил, что ужасно скучает, никак не может уснуть, курит сигарету за сигаретой и печально улыбается. Клятвенно заверил, что бульдог Гарри чувствует себя превосходно, много бегает по парку и кушает с отменным аппетитом. Отчитался о проделанной работе в поместье. После чего замолчал, ожидая, что будет дальше.

– Значит, скучаешь, – польщёно хмыкнула Исида. – Это очень хорошо и правильно. Скучай-скучай, – неожиданно забеспокоилась: – А что у тебя случилось, милый?

– С чего ты взяла? – слегка удивился Смок.

– С того самого. Сколько времени мы знакомы с тобой?

– Что-то около двух лет.

– Два года и один месяц. Я тебя, Хавьер Эрнандес, знаю как облупленного. Если ты начинаешь говорить коротки-

ми и рублеными фразами, то это означает, что произошло нечто экстраординарное... Расследуешь очередное запутанное преступление?

– Расследую, – покладисто согласился Старший криминальный инспектор и, рассказав – в общих чертах – историю о «двадцати трёх пулях», подытожил:

– Убитый, как назло, оказался иностранным подданным. Надо раскрыть преступление в кратчайшие сроки. Что называется, по горячим следам. Иначе вредное начальство обязательно разгневается. Можно будет про долгожданный отпуск – на неопределённое время – позабыть. Да и мысли дельные, честно говоря, отсутствуют...

– Ничего сложного, – лениво зевнув, безапелляционно заявила Исидора. – Без русских здесь, понятное дело, не обошлось. Присмотрись ко всем выходцам из России, которые в последнее время общались с покойным. Допроси их на предмет наличия железобетонного алиби. Преступник, скорее всего, и отыщется.

– Не понял...

– Чего же здесь, собственно, непонятного? Контрольный выстрел в голову, вернее, в лоб – фирменный знак русских боевиков. Практически визитка с номерами телефонов. В Театральной студии со мной учились два парня, уехавшие из России несколько лет назад. Так что, всяких занятных и поучительных историй я наслушалась вдоволь.

– Двадцать две пули – как привет от мафии, – задумался

Смок. – От итальянской или, к примеру, от колумбийской....
А двадцать три, получается, от русской?

– Может так статья, что мафия здесь не причём.

– Кто же тогда – причём?

– Возможно, коварные русские шпионы, – загадочно усмехнулась Исида. – Они, как мне недавно рассказывала одна американская приятельница, шастают и здесь, и там. Шастают и всюду суют свои курносые любопытные носы.

– Зачем русским понадобилось убивать Графа?

– Не знаю, любимый. Скорее всего, перешёл где-то дорогу неулыбчивому российскому ГРУ. Вот, и отгрёб по полной программе.... Хитрые русские, как я понимаю, решили всё списать на мафию. Мол, двадцать две дырки в хладном теле. Но конкретный исполнитель не удержался от контрольного выстрела. Сработал-таки национальный инстинкт.

– Какой ещё национальный инстинкт?

– Обыкновенный. Ты, когда заходишь в супермаркет, какое пиво покупаешь?

– «Кильмес-Кристалль», – признался Смок. – А, кажется, понял. Есть в этой логике здоровое зерно. Определённо, есть.... Кстати, любовь моя хрустальная, а что случилось-произошло у тебя?

– С чего ты взял?

– С того самого. Мы знакомы два года и один месяц. Я знаю тебя, Исидора Санчес, как облупленную. Ты расстроена. Чем?

– М-м-м...

– Давай, рассказывай. Всё. Без утайки. Иначе обижусь.

– Хорошо, милый. Как скажешь, – покорно вздохнула Исидида. – Во-первых, я здесь повстречалась с одной старинной знакомой. Помнишь, я рассказывала тебе про моё босоное детство, прошедшее в маленькой чилийской деревушке Сан-Филиппе?

– Помню, конечно.

– Так вот. Рядом с нашей деревней располагался посёлок переселенцев из Парагвая. Вернее, потомков немецких эмигрантов, перебравшихся в Южную Америку после окончания Второй мировой войны. Между этим поселением и Сан-Филиппе находился старинный католический монастырь. А при нём функционировала женская начальная школа, которую я – вместе с подружками – и посещала. Домоводство у нас преподавала фрау Марта – очень добрая и улыбчивая женщина, говорившая по-испански с заметным немецким акцентом. Она учила нас шить красивые платья, вязать на спицах, мариновать овощи, жарить свинину и готовить яблочные штрудели. Это такие баварские пироги, очень вкусные.... А потом наступил недобрый 1997-ой год, мне тогда исполнилось двенадцать лет. По всему чилийскому побережью пробежали волны разрушительного землетрясения. Сан-Филиппе накрыл широченный грязевой сел, сошедший со склонов ближайших гор, а уцелевшие жители, воспользовавшись помощью международных благотворитель-

ных организаций, переехали на постоянное место жительства в Новую Зеландию... Гуляю я сегодня утром по Бёрнсу. Солнышко светит, птички щебечут, шмели жужжат. Ба, знакомое лицо. Присмотрелась – фрау Марта, только слегка постаревшая. В волосах добавилось благородной седины, лицо покрылось густой сеточкой морщин. Все же, более пятнадцати лет прошло с момента нашей последней встречи... И старенькая учительница меня узнала. Сперва, вроде, обрадовалась. А потом стала тревожно оглядываться по сторонам, словно бы испугалась чего-то. отошли мы в сторонку, укрылись за длинным сувенирным киоском от любопытных глаз. Поболтали немного. Я о своём житье-бытье вкратце рассказала. Фрау Марта – о своём. Выяснилось, что после того ужасного землетрясения жители немецкого посёлка, оставшиеся в живых, переселились в Австралию. Купили здесь большое поместье под названием – «Форт Томпсон», да и зажили по-прежнему. То есть, по старинным баварским традициям, законам, принципам и обычаям... Да только не удалось нам поговорить толком. «Мартина, куда ты запропастилась?», – завопил зычный мужской голос. – «Где тебя, лентяйку, черти носят?». Запечалилась старенькая учительница, мол: – «Пора мне, Исидушка. Идти надо. Не позволяет наш жизненный уклад беседовать с посторонними без свидетелей. Причём, эти свидетели должны быть – в обязательном порядке – жителями Форта Томпсон. И исключительно мужчинами... Хочешь завтра приехать в гости? В посёлок?

Извини, но ничего не получится. Не пускают у нас чужаков за ворота. Только для местных чиновников делаются исключения. Если, конечно, существует предварительная договорённость... Всё, Исидушка, прощай. Рада была повидать тебя...». И ушла.

– Чего же ты так расстроилась? – непонимающе хмыкнул в трубку Эрнандес.

– Ну, как же. Поговорить толком не получилось. Всё мимоходом, наскоро, наскоком. Я терпеть не могу такого общения. Настоящая беседа должна быть задушевной и долгой...

– Под ароматный кофе со сладкими плюшками?

– Ага, с ними.

– Понятно. Что у нас – во-вторых?

– Во-вторых, климат слегка подгадил, – засмушалась Исидора. – Я Энциклопедии полностью доверилась, а надо было – вместо этого – заглянуть на профильный сайт, который так и называется – «Ночь богонгов». Вот, и опростоволосилась. Виновата...

– А можно чуть поподробней?

– Без вопросов. В этом году весна запоздала недели на две. Может, и на все три. Поэтому и вылет богонгов откладывается. Так что, гениальный план оказался иллюзорным и провальным. Мой отпуск заканчивается через неделю с хвостиком. Расстройство сплошное.

– Не напрягайся, родная, – посоветовал Смок. – В следующий раз полюбуешься на своих непоседливых насекомых.

Собирай вещички и, позабыв про всякие глупости, возвращайся в уютную Канберру. Я тебя развеселю. Свожу в хороший ресторан с ночной дискотеккой. Покатаю на мотоцикле. Что-нибудь ещё придумаю.

– Задержусь, пожалуй, ещё на пару деньков.

– Зачем?

– О, слышу в твоём мужественном голосе знакомые желчно-подозрительные нотки! – развеселилась Исида. – Успокойся, милый. Никаких поводов для жгучей ревности, честное слово, не наблюдается. Ни малейших. Клянусь своей театральной карьерой... Просто хочу ещё раз повстречаться с фрау Мартой. Задать ей парочку животрепещущих вопросов. Прояснить некоторые моменты из Прошлого, – сладко-сладко зевнула, после чего пожаловалась: – Ужасно хочется спать. Практически до безумия... Будем прощаться, мой необузданный и ревнивый мачо? Спокойной ночи! Засыпаю...

* * *

– Что ещё за Форт Томсон? – открывая очередную пивную банку, недовольно поморщился инспектор Эрнандес. – Напрасно Исидора потворствует собственному необузданному любопытству. Ничего хорошего от данного населённого пункта ждать не стоит. Все эти закрытые католические поселения, как правило, полны тёмными загадками и мутными

тайнами. В том числе, и шпионскими...

Выкурив по-быстрому дежурную сигаретку, он набрал нужный номер. В трубке зазвучали длинные монотонные гудки, напоминающие о наличии чёрной австралийской ночи, когда законопослушным гражданам и гражданкам предлагается спать.

– Макс, будучи человеком предусмотрительным, перед тем, как лечь в постель, отключил телефон, – огорчился Смок и попытался связаться с другим абонентом.

– Да, шеф? – откликнулся на удивление бодрый (по позднему ночному времени), женский голосок. – Чего изволите, высокородный господин начальник?

– М-м-м...

– Что такое? – насторожилась Танго. – Неуверенность? Вы, как мне помнится, никогда не отличались этим качеством.

– Голос у тебя...

– Какой?

– Возбуждённый.

– Что из того? Занимаюсь активным сексом. Причём, с официальным женихом, прибывшим на неделю-другую из Лондона. Разве нельзя?

– Можно. Занимайся, – разрешил Эрнандес. – Только, вот...

– Жду чётких указаний, шеф. Приказывайте.

– У меня не складывается с эпистолярным жанром.

– Я в курсе. Как впрочем, и всё Управление.... Что надо сделать? Написать письмо?

– Вернее, служебную записку на имя господина Тима Ричардса, Окружного прокурора. Этот ушлый и хитрый деятель на выходные дни всегда уезжает загород, а мобильный телефон коварно отключает. Вернее, блокирует для вызова все номера, кроме министерских. Но Интернетом, тем не менее, Ричардс пользуется регулярно. Поэтому надо сварганить дельную записку и отправить на его электронный адрес. Суть послания? Слушай меня внимательно...

Смок поведал (без ссылки на подсказчицу), о появившемся «русском следе».

– Национальный инстинкт? – удивилась Танго. – Никогда не слыхала. Чего только не бывает на белом свете. Век живи, век учись.

– Изложи грамотно данную версию. Грамотно, доходчиво и убедительно. И пусть Ричардс назначит на завтра серьёзное совещание. Желательно на поздний вечер. Воскресенье? А ты, любезная подчинённая, так напиши, чтобы господин Окружной прокурор забыл про это.

– Сделаю шеф, не сомневайтесь.

– Верю. Заранее спасибо. До связи.

– Роджер!

* * *

– Странно, – отправляя мобильник в карман пижамной куртки, пробормотал Смок. – «Роджер» – это такой термин из языкового запаса американских вояк и службистов. Мол: – «Отбой, конец связи».... Может, наша шустрая и бойкая Танго работает на ЦРУ?

И в симпатичной черноволосой голове Танго усердно бродили тревожные мысли: – «Как же всё некстати! Национальный инстинкт, понимаешь. Так его и растак.... Начальство, в гости по утрам не ходи, начнёт мандражировать, суетиться и отдавать неадекватные приказы.... Хотя, если вдуматься, может, оно и к лучшему. Из знаменитой серии: – «Темней всего – под пламенем свечи. Седые мудрецы твердят про это. И вторят им безумные поэты, о Вечном говорящие в ночи. Темней всего – под пламенем свечи...». Ладно, прорвёмся. Не впервой...».

Глава шестая

Накануне старта

Австралия, граница штатов Квинсленда и Нового Южного Уэльса, пятнадцать километров от городка Бёрнса.

Наступило воскресенье. После завтрака родители спешно собрались, уселись в потрёпанный внедорожник и укатили в Канберру.

– Надо переговорить со знакомым брокером относительно акций китайской компании, – объяснил отец. – Ну, той, что на Западных пустошах разбила обширные эвкалиптовые плантации, мол, для нужд целлюлозно-бумажной промышленности. Хочу посоветоваться. Покупать привилегированные акции сейчас? Или же повременить, подождать с полгодика?

– А ещё завтра с утра следует навеститься в Фермерский банк, – дополнила мать. – Договориться о внеочередном кредите на осенний сезон. Неплохо было бы приобрести и смонтировать ещё одну линию по консервации овощей и фруктов.... Короче говоря, обожаемая доченька, не скучай и не грусти. Постараемся обернуться за пару суток. И веди, пожалуйста, себя хорошо.

– Постараюсь, – заверила Аль. – И вести хорошо. И не скучать. И не грустить.... Счастливой вам дороги, любимые

предки!

Скучать и грустить она, действительно, не собиралась. Даже, наоборот, обрадовалась этому неожиданному отъезду. А как же иначе? На послеобеденное время было назначено свиданье с кавалером, вернее, с женихом. Родители дома? Значит, к заходу солнца надо обязательно вернуться домой – иначе, наверняка, разразится нешуточный скандал. Причём, с далеко-идушими последствиями... Папочка с мамочкой отлучились по важным делам? Отлично. В том плане, что можно будет ворковать с любимым до самой утренней зори. Почему – только до утра? Потому, что понедельник – рабочий день. По крайней мере, в трудолюбивой и патриархальной Австралии... Контроль с помощью мобильного телефона? Не смешите, пожалуйста. Современная продвинутая молодёжь врать и отговариваться умеет просто мастерски. Ни за что не подловишь...

Аль помыла грязную столовую посуду, пропылесосила первый общий этаж коттеджа (на втором этаже располагались спальни, то бишь, приватные территории), наскоро протёрла кафельный пол, после чего включила телевизор, принимавший – по причине отсутствия мощной антенны – всего два канала.

По первой программе показывали новости. Совершенно ничего интересного и нового: финансовый кризис в Европе, военная напряжённость на Ближнем Востоке, хронический рост цен на нефть и природный газ, очередной сексуаль-

ный скандал, связанный с неувядающим Сильвио Берлускони, вялое политическое противостояние в России, разоблачение футбольных аферистов в Южной Корее, развод звёздной голливудской пары. Скука смертная и оскоми́на кислая, короче говоря.

А на пятом канале выступал пожилой дяденька – худой, бородатый, высоколобый, речистый. Типичный махровый аскет с глазами упёртого фанатика.

– Наглые скептики, не верящие в существование НЛО, получили очередную пощёчину, – увлечённо вещал дядечка. – Астрономы из Университета Макуайри и Университета Новой Англии зафиксировали трое суток назад – над территорией штата Квинсленд – яркосветящееся неизвестное тело. Диск, диаметр которого превышал шестьдесят пять метров, появился внезапно, словно из ниоткуда, после чего резко пошёл на снижение и пропал из вида. Вот, полюбу́йтесь...

На телевизионном экране замелькали размытые снимки – светло-жёлтый диск, покрытый по краям ультрамариновой сеткой, снятый с разных ракурсов.

– Ерундовая фантастика детсадовского уровня, – поднимаясь на ноги, прокомментировала девушка. – Элементарный оптический обман, не более того. Или же обыкновенный праздничный «китайский фонарик», только очень большой.... Ладно, уговорили. Допустим, что на предъявленных снимках, действительно, запечатлена «летающая тарелка», в которой сидят инопланетяне с ярко-фиолетовыми физио-

номиями. Ну, и что из того? Сидят себе, летают, наблюдают, никого не трогают. Да и на здоровье. Не жалко. От нас, чай, не убудет.... Всё, пора заканчивать с сомнительной научно-популярной лирикой и приступать к сборам. Ночёвка в австралийских полях и перелесках, как известно, дело серьёзное, не терпящее легкомысленного отношения...

Она выключила телевизор и несуетливо переделалась-переобулась: тёмно-синяя футболка, куртка цвета хаки с многочисленными карманами, такие же широкие штаны, чёрные грубые ботинки с высокой шнуровкой. После этого прошла в кладовую и стащила с верхней полки широченного стеллажа объёмный туристический рюкзак. Потом в рюкзак были помещены: голландская двухместная палатка в полосатом чехле, две надувные подушки, походный котелок, мятая сковорода на длинной металлической ручке, походный топорик, миниатюрный примус, два длинных газовых баллончика к нему, карманный фонарик, охотничий нож в кожаных ножнах и пластиковый флакон с хитрой эссенцией, отпугивающей всяких кровососущих насекомых.

– Может, прихватить две простынки? – остановившись около двухстворчатого шкафа с постельным бельём, задумалась Аль. – Если дело дойдёт до интима, то спать, как подсказывают фильмы для взрослых, придётся в голом виде. То есть, полностью обнажёнными. Процесс неуклонно приближается к этому. Понятно, что с сексом лучше повременить до официальной свадьбы. Мол, в этом случае муж (бу-

душий), проникнется дополнительным уважением. Но, честное и благородное слово, могу не сдержаться...

Подхватив рюкзак (естественно, с уложенными в него простынками), девушка отправилась на кухню. Настал черёд кружек-ложек-вилок-мисок, а также всяческих продуктов и напитков.

– Зачем папе так много алкоголя? – распахнув створки бара, усмехнулась девушка. – Бутылки, бутылочки.... Он же не заметит, если я прихвачу одну? Например, вот эту, симпатичную. М-м-м.... Виски – «Белая лошадь». Никогда не пробовала виски. Берём. Всё на этом беспокойном Свете надо попробовать. Ну, или почти всё.... Что ещё? Прихвачу, пожалуй, двухлитровый пакет с апельсиновым соком. Ага, чуть мобильник не забыла. Ладно, с Богом...

Аль, с рюкзаком за плечами, вышла на крыльцо и, заперев дверь, направилась к гаражу.

Путь пролегал мимо конюшни, к которой примыкал огороженный кусок травянистого луга.

– Р-гы! – к забору, сработанному из не ошкуренных эвкалиптовых жердей, резво подскакала тёмно-гнедая лошадка.

– Извини, Ласточка, но сегодня я не нуждаюсь в твоей помощи, – слегка засмушалась девушка. – Скакать на лошади с тяжеленным рюкзаком за плечами? Удовольствие ниже среднего, между нами, невинными девочками, говоря.

– Р-гыыы!

– Не обижайся, пожалуйста, родная. Покатаемся в следу-

ющий раз... Кстати, а ты хоть раз ночевала вне конюшни? В полях? Или, например, на опушке эвкалиптового леса? Говорят, что наши места – совсем недавно – посещала стая злобных динго... Что, пропала охота составить мне компанию? То-то же. Ладно, Ласточка, до скорого свиданья. Я подойду утром. Травы достаточно, прудик заполнен свежей водицей, дверь в конюшню открыта...

Аль вывела из отдельно-стоящего гаража обшарпанный грузовой «Форд», над кузовом которого наличествовал дырявый брезентовый тент. Машина была старенькой, и использовалась сугубо для перевозки удобрений, вспомогательного фермерского инструмента и разнообразной сельскохозяйственной продукции.

Девушка, забросив рюкзак под тент, забралась в кабину и вставила ключ в гнездо зажигания. Утробно и сыто заурчал мотор, грузовичок, нервно вздрогнув, тронулся с места.

Проехав по просёлочной дороге километров семь-восемь, «Форд» свернул направо и уверенно покатил прямо через поля, с которых недавно убрали озимый овёс.

Вскоре впереди показалась высокая изгородь, тщательно обтянутая новёхонькой колючей проволокой. Поворот руля. Автомобиль послушно поменял направление движения и поехал вдоль забора.

На берегу болотистого ручья «Форд» остановился.

Аль покинула кабину, захлопнула дверцу, вытащила из фургона тяжёлый рюкзак, ловко забросила его за спину и,

перейдя через ручеёк по хлипкому мостику, двинулась дальше.

Метров через шестьсот пятьдесят в проволочном ограждении обнаружилась узенькая прореха, в которую она и свернула.

Жёлтый ковёр цветущего рапса, узкая песчанистая грунтовка, вдоль которой росли разные овощи, поворот, второй, натоптанная тропа, сворачивающая в молодой эвкалипто-акациевый подлесок, знакомый гигантский камень впереди.

– Мать его, затейницу австралийскую! – повернув за грань красно-белой гранитной скалы, выругалась – от неожиданности – девушка на русском языке, а подумав пару секунд, на всякий случай перешла на английский, вернее, на его австралийский диалект: – Похоже, что мой белобрысый возлюбленный не соврал. Причём, ни капли. . . . Куда, спрашивается, подевалась овальная поляна общей площадью в несколько десятков тысяч метров квадратных? А где идеально-круглый тёмно-коричневый пруд? Сплошной лес впереди. Густой такой. Поросший древовидными папоротниками и колючими кустами. Тут, скорее всего, и дикие звери водятся. . . . Что теперь делать? Кричать? То бишь, звать Хосе, которому – по дурацким правилам Форта Томсон – мобильник не положен? Как-то не тянет. Вдруг, на этот мой зов из дремучей чащи выскочит кто-нибудь зубастый, голодный и злой? Забраться на самое высокое дерево и старательно осмотреться? Не ка-

тит, к сожалению. По стволам и веткам старых эвкалиптов обожают шастать ядовитые древесные змейки. Причём, впере­мешку с не менее ядовитыми пауками и клещами. Ладно, попробуем по-другому...

Аль вернулась назад и, потратив минут двенадцать, забралась на вершину солидной красно-белой гранитной скалы, расположенной на отшибе эвкалиптового леса («сегодняш­него» эвкалиптового леса). Забралась, повертела головой по сторонам и облегчённо выдохнула:

– Ага, на юго-востоке, не очень-то и далеко отсюда, к небу поднимается сероватый дымок. Наверное, это Хосе. Подо­шёл к исчезнувшей поляне с противоположной стороны и понял, что я могу заплутать. Более того, могу слегка испугаться и удариться в пошлую панику. После этого он забрался на ближайший из юго-восточных холмов и развёл там дымный костёр, обозначая таким образом место своего на­хождения. Молодец, догадливый и сообразительный... А если это, не дай Бог, кто-то другой?

Она спустилась со скалы и, ориентируясь на ярко-жёлтое солнышко, упруго зашагала в нужном направлении.

Лес расступился в стороны.

– Действительно, пологий склон холма. А вон и алый огонёк доверчиво проглядывает сквозь тёмно-зелёную листву деревьев, – неуверенно прошептала девушка и, отбросив последние сомнения, громко прокричала: – Эй! Кто здесь? Отзовись! Хосе, это ты?

– Я! – откликнулся знакомый голос. – Иди сюда! Не бойся!

Подойдя к костру, сбросив с плеч тяжёлый рюкзак и слегка отдышавшись, Аль возмутилась:

– Что означает эта дурацкая фраза? Мол: – «Не бойся»? Когда это я чего-то или кого-то боялась? За кого ты меня принимаешь? А?

– Да, я не имел в виду ничего такого, – принялся неуклюже оправдываться рослый широкоплечий паренёк. – Так просто ляпнул. Не подумавши. Само вырвалось...

– Совсем, увалень фермерский, шуток не понимаешь? – лукаво улыбнулась девушка. – Я на тебя не сержусь. Ни капли. Наоборот, искренне хвалю и одобряю. И с костром ты здорово придумал. И место для стоянки выбрал отличное – ровная-ровная площадка, хрустальный ручеёк журчит где-то рядом. Иди сюда. Поцелуемся...

Узнав (после нескольких минут затяжных поцелуев), что им предстоит совместная ночёвка, Хосе предсказуемо обрадовался, пунцово покраснел и принялся бормотать что-то неразборчивое.

– Прекращай заикаться, – посоветовала Аль. – Ромео ты мой трепетный и нежный.

– Уже прекратил. Больше не повторится.... Ну, убедилась, что данная местность является непростой и коварной? Была поляна, и нет поляны. Да и кроме неё много чего пропало – западное болотце вместе с длинноногими цаплями и куликами, круглый пруд, заросли акации, поле с сахарной свёклой,

запруда на ручье, где я в детстве ловил жирных ратанов.

– Убедилась, конечно.... А что будет дальше?

– То же, что и всегда, – белозубо улыбнулся Хосе. – Примерно через неделю-другую всё вернётся на прежние места.... Наши сегодняшние действия, госпожа командирша?

– Набери-ка, любимый, ещё сухих дровишек, а потом расставляй палатку. Ещё одно поручение. Вон на том плоском высоком камушке расстели клеёнку, она лежит в правом кармане моего рюкзака. Будет наш обеденный стол. А я пока приготовлю сытный и вкусный ужин. Как ты относишься к австралийскому супу – «том-ям»?

– Положительно...

Стоит отметить, что знаменитый суп «том-ям» является – по определению – тайским. Но Австралия такая страна – впитывает в себя буквально всё, привнесённое эмигрантами: языки, обычаи, анекдоты, национальные стили одежды, бытовые привычки, байки, кулинарные шедевры, ну, и так далее.

При приготовлении австралийского варианта супа «том-ям» используются следующие ингредиенты: лимонное сорго, сушёная лимонная мята, паста чили, креветки, рыба, курица и грибы.

В данном конкретном случае креветки, курятина и шампиньоны были консервированными, а рыба, и вовсе, отсутствовала. Так сказать, скромный походный вариант. На любителя.

Примерно через полтора часа всё было готово для... Для чего? Ну, для начала официально-кулинарной части любовного свиданья... Свиданья? Хорошо, для начала любовного полномасштабного спектакля. Из знаменитой и нетленной серии: – «К этому всё и шло...». Мол: – «Первая брачная ночь – зачастую – опережает сам брак...».

То бишь, палатка была установлена, костерок пылал ярко и приветливо, запасы сухих дров откровенно впечатляли, над эмалированными мисками, надоедливо щекоча ноздри, поднимался ароматный парок, на разрезанные напополам пшеничные булочки было щедро намазано сливочное янтарно-жёлтое масло, высокие пластиковые стаканчики, соответственно, были наполнены – на две трети – благородной «Белой лошады».

Приближался вечер. Установилось полное безветрие. Нежно-малиновое солнышко зависло рядом (в пяти-семи собственных диаметрах), с изломанной линией горизонта. В ободранных кустах акации о чём-то оживлённо ворковали бойкие австралийские свистуны. Полная идиллия и самая натуральная пастораль, короче говоря...

– Как же красиво вокруг! – беря в ладошку пластиковый стаканчик, пафосно объявила Аль. – За что выпьем, мой благородный и нетерпеливый ухажёр?

– Ну, не знаю..., – замялся Хосе. – Может, за нашу любовь?

– Правильно, за – Любовь! А также за предстоящую весё-

люю свадьбу, которой будет предшествовать смелый и – на удивление – отчаянный побег... Подожди. Что это такое? Слышишь?

Со стороны вершины холма раздался громкий загадочный шорох. Ещё секунд через десять-двенадцать в поле зрения появились две человеческие фигурки.

* * *

– Мужчина и женщина, – невозмутимо прокомментировала Аль. – Вернее, юноша и девушка. Откуда они здесь, на ночь глядя, взялись? И одеты как-то странно. Вернее, непривычно. Не по-современному... Облегающие «варёные» джинсы – тёмно-голубые, с белыми проплешинами. Клетчатые ковбойские рубахи. Так было принято одеваться в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века. Я видела фотографии в маминых старых журналах, посвящённых моде того Времени... Может, это кто-то из вашего поселения?

– Нет. Впервые вижу этих ребят, – выдержав короткую паузу, ответил Хосе. – Кстати, тебе не кажется, э-э-э, что...

– Что незнакомцы слегка похожи на нас?

– Ага.

– Чем-то, пожалуй, похожи...

Глава седьмая

Инопланетные туристы

Австралия, граница штатов Квинсленда и Нового Южного Уэльса, лагерь инопланетной экспедиции, а также городок Бёрнс и его окрестности.

– Скучновато здесь, – неумело снимая с крючка очередную упитанную рыбину, сообщил Свенн. – Ерунда какая-то. Занимаемся – не пойми и чем. Позавчера полдня охотились на бедных кенгуру, которым и убежать-то было некуда. Бэмц, и встретились с поверхностью невидимого Купола. Хоп, и познакомились со смертушкой.... Не, стрелять-то из лука мне, определённно, понравилось. Хорошая и занятная придумка. Слова плохого не скажу. Увлекательное и интересное занятие. Да и кенгурятина, запечённая на малиновых углях костра с земными травами-приправами, вкусная штукавина. Под местное пиво, естественно.... Согласна со мной? Почему молчишь?

– Хочу – и молчу, – внимательно наблюдая за неподвижным красно-белым поплавком, недовольно хмыкнула Ари-са. – Не люблю языком молоть попусту. Не моя стезя.... Хотя, если подумать, ты прав. Ерунда какая-то. Что нам говорили твои уважаемые родители? Мол: – «В первом совместном путешествии молодые люди, оказавшись в непривычной об-

становке, должны хорошенько проверить свои чувства. Новые Миры, новые ощущения, новые мысли. Можно многое понять, многое переосмыслить. Первая Дорога – из ста будущих Дорог...». И? Ничего не происходит. Заслуживающего внимания, я имею в виду.

– Солидарен. Охота на кенгуру? Это ещё ладно. Приколь-но, по крайней мере. И вкусно. А вчерашнее мероприятие? Как дети малые, с дурацкими сачками в руках, гонялись за разноцветными бабочками. Мол, надо пополнить коллекцию Исследовательского Центра новыми образцами. После этого устроили тестирование на сообразительность и быстроту мышления. Потом состоялся глупейший чемпионат по детским компьютерным играм.... Тьфу, да и только!

– И сегодня не лучше. Заставили ловить здешнюю рыбу. Абсолютно бесполезное и нерациональное занятие.

– Не скажи, – поправляя на крючке наживку, возразил Свенн. – Лично мне этот процесс нравится.... Интересно, почему у нас на Мирре не рыбачат? Да и пива не варят. Почему?

– Потому, что это не рационально. И часами пялиться на дурацкий поплавок. И пить пенный напиток, от которого потом кружится голова и постоянно хочется писать.

– Хоп! Ещё одна попалась! Знай наших...

– Надоело, – разозлившись, Ари отбросила удочку далеко в сторону. – Пойду, поговорю с нашей не в меру смешливой командоршей. Договорюсь о посещении ближайшего город-

ка аборигенов. Надеюсь, милый, ты не будешь против?

– Прогуляемся, конечно. Полюбопытствуем.

Линда Спрай возражать не стала, лишь напомнила об основных правилах безопасности и велела:

– Ступайте в гардеробную и переоденьтесь. Одежда, наверняка, уже слегка устарела. То есть, она пошита по фотографиям сорокалетней (по земным меркам), давности. Но ничего не попишешь, другой-то всё равно нет.... Вот, вы, любопытные мирранские туристы, заодно и поможете исправить этот досадный казус. То бишь, пофотографируете местных туземцев...

– Очередная ерунда, – брезгливо роясь в одёжном шкафу, ворчала Ариса. – Тряпочки какие-то непонятные. Зачем их так много? И, вообще.... Всем давно известно, что самая рациональная и удобная одежда – комбинезон. Раз, и готово. Нет же. Верх, понимаешь, отдельно. Низ отдельно.... Зачем? Какие смешные штанишки. Все в белёсых разводах. Хм. А вполне даже ничего. Попробовать, что ли? В плане примерки? С чего-то, в любом случае, надо начинать.... Знаешь, абсолютно ничего хорошего. Такое впечатление, что жмёт во всех местах сразу.

– Зато ты смотришься в них...э-э-э, очень аппетитно, – многозначительно усмехнулся Свенн. – Очень-очень-очень.

– Что ты, охламон бесстыжий, имеешь в виду? Ну-ка, убери руку! До свадьбы даже думать о таких глупостях не полагается.... Так-с, ботиночки. Смешные.

– Это так называемые – «кроссовки». Только сперва надо обязательно надеть на ступни ног – «носки». Вон они лежат, на специальной полке. Так, по крайней мере, написано в инструкции, которая висит на стене.

– Да? Ладно, одену и примерю.... Смотри-ка ты, ноге очень удобно. Славненько. Дурного слова не скажу...

В конечном итоге процесс переодевания, всё же, был успешно завершён, и они покинули космолёт. То бишь, классическую «летающую тарелку» – в нашем обыденном понимании.

– Смешно смотрите, – язвительно хихикнула Линда. – Впрочем, и так сойдёт. Главное, пользуясь отсутствием языковых барьеров, лишнего не сболтните. Держите, – протянула чёрную продолговатую коробочку. – Это, молодёжь, походный пульт. Когда упрётесь в невидимый свод Защитного Купола, нажмёте на жёлтую кнопку. В Куполе – на короткое время – образуется узенькая прореха. На обратном пути повторите данное действие.... Синяя кнопка – фотоаппарат. Навели пульт на объект и нажали. Зелёная предназначена для отпугивания разных несимпатичных и злых животных. Например, бродячих земных собак. Как и по какому принципу осуществляется отпугивание? Нажимаете на зелёную кнопку. Прибор начинает послушно испускать соответствующий низкочастотный звук, неслышимый нашему уху. Животные в панике разбегаются в разные стороны. Змеи расползаются. Птицы и насекомые разлетаются. Ничего хитрого.

– На землян ультразвуковые сигналы действует аналогично? – забирая пульт, по-деловому уточнила Ариса.

– Нет, конечно же. Их природная сущность сходна с нашей. Зачем же пугать самого себя? Нонсенс.

– А что с местными комарами и москитами? Постоянно нажимать на зелёную кнопку? Заряд пульта может закончиться. Причём, в самый неподходящий момент...

– Голова садовая. Чуть не забыла. Возьмите эти два тоненьких перстенька и наденьте на мизинцы. Они вырабатывают особую эссенцию, неприятную всем тутошним насекомым.

– Для чего нужна четвёртая кнопка? – поинтересовался Свенн. – Та, которая ядовито-красного цвета?

– Это, молодёжь, сигнал тревоги, – тяжело вздохнула командорша. – Когда попадёте в неприятную историю – нажимайте. Например, если заберут в земную полицию. Или же в случае нападения злонамеренного маньяка. Придём на помощь и выручим. Не сомневайтесь. Впрочем, будем надеяться, что до этого дело не дойдёт. Австралия – страна славная, тихая и мирная. В отличие от большинства других государств этой непредсказуемой и беспокойной планеты... Что ещё? Ага, нашла. Вот, кошелёк с местными деньгами.

– Какая там сумма? – отправляя кошелёк в нагрудный карман клетчатой рубахи, спросила хозяйственная Ари. – Вернее, что на эту сумму можно приобрести?

– Можно сходить в кино. Пообедать в ресторане, зака-

зав при этом пару бутылочек хорошего вина. И, естественно, закупить на память всяких и разных сувениров. Здесь продаются неплохие охотничьи ножи. Также заслуживают пристального внимания дамские сумочки и обувь из крокодиловой кожи.

– Земные дикари используют для изготовления обуви кожу убитых животных? – притворно возмутился Свенн.

– Куда только смотрит наша гуманная и справедливая Система? – подхватила Ариса.

– Не морочьте мне голову! – рассердилась Линда. – Знаете же, что Земля не входит в Систему, а, всё равно, дурочку ломаете.

– Кстати, а почему не входит?

– Потому, что для адаптации здешних нецивилизованных аборигенов к стандартам и законам Системы пришлось бы...

– Да-да, мы слушаем очень внимательно. Что пришлось бы сделать?

– Уничтожить, первым делом, девяносто девять процентов населения этой планеты. Как разумный материал, не поддающийся исправлению-перевоспитанию и таящий серьёзную опасность для законопослушных граждан и гражданок Системы.... Всё, свободны. По возвращению доложите по всей форме. И не забудьте, пожалуйста, сфотографировать туземцев и туземок. Одетых, подчёркиваю.... Про обед в городском ресторане. Ешьте смело. Потом проглотите по паре пилюль, и все вредные вещества и химические элементы

покинут ваши молодые организмы естественным путём.... С картой ознакомились? Запомнили? Счастливой дороги. И туда, и обратно...

* * *

Они пересекли поляну наискосок и, пройдя через посадки молодой акации, вышли на край прямоугольного поля, заполненного какими-то разлапистыми тёмно-зелёными растениями.

– Сахарная свекла, – пояснил информированный Свенн. – Из неё земные аборигены делают сахар.

– Для чего им понадобилось столько много сахара? – удивилась Ариса. – Для химических опытов?

– Они им питаются.

– Питаются? Сахаром?

– В том смысле, что добавляют в разные напитки. А также используют в процессе приготовления пищи.

– Зачем? Ведь, всем известно, что сахар является скрытым ядом. «Белой смертью», образно выражаясь...

– Дикари упрямые и законченные. Что с них взять?

Пройдя почти до конца свекловичного поля, Свенн, шедший первым, резко остановился.

– Что-то почувствовал? – насторожилась напарница.

– Есть такое дело. Вернее, ноги остановились сами по себе. Инстинкт, видимо, пробудился ото сна. То бишь, остано-

рожный внутренний голос начал надоедливо нашептывать, мол: – «Там что-то есть...».

– Вытяни руки с открытыми ладонями и сделай два шага вперёд.

– Всё верно. Твёрдая прозрачная стена. Холодненькая такая... Доставай пульт и нажимай на жёлтую кнопку.

– Нажала.

Впереди, в метре от молодых людей, в воздухе обозначился контур тёмно-синего прямоугольника.

– Вперёд! – скомандовала Ари. – Пока «дверка» не закрылась...

За Куполом, на первый взгляд, ничего не изменилось – перед ними было всё то же поле, на котором росла, впитывая соки земли и благодатный солнечный свет, сахарная свекла.

Секунд через восемь-десять Свенн оглянулся назад и удивлённо присвистнул:

– Ох, и непрост наш Куполок! Так сказать, односторонней видимости. «Дверка», естественно, пропала. Но дело не в этом... Там, за прозрачной полусферой, должно быть ровное поле, покрытое тёмно-зелёными листьями. Верно? А что мы наблюдаем?

– Эвкалиптовый лес. Очень густой, дремучий и, визуаль-но, ужасно-влажный. Коряжника полным-полно. Сплошные поваленные, слегка подгнившие стволы.

– И зачем нужна такая оптическая обманка?

– Маскировка, надо думать. Незачем любопытным земля-

нам знать о нашем прилёте. Не полагается.

Через некоторое время они вышли на красно-коричневую грунтовую дорогу.

– Нам налево, – махнула рукой Ариса. – Я хорошо запомнила карту. Кстати, эти кроссовки, они очень удобные. Пробежимся?

– Согласен. Догоняй!

Что такое пятнадцать километров – для молодых и здоровых организмов, возвращённых в условиях идеальной экологии и ведущих здоровый образ жизни? Ерунда ерундовая, не более того...

Австралийский городок Бёрнс произвёл на юных путешественников диаметрально-противоположные впечатления.

– Потрясающая экзотика, – шёпотом восторгался Свенн. – Я о таком только в толстых книжках читал. Вернее, в авантюрно-приключенческих романах о подвигах отважных мирран, совершённых на диких периферийных планетах.... А эти виманы, не умеющие летать? Они такие элегантные и симпатичные...

– Что в них симпатичного? – в очередной раз дисциплинированно нажимая на синюю кнопку пульта, возмутилась Ари. – Пыхтят, рычат, гудят, воняет от них. Некоторые даже выпускают чёрный дымок, портя планетарную атмосферу.... Местные аборигены? Шумные и беспокойные очень. Всё время улыбаются и хихикают. Никакого представления о хороших манерах.

И при посещении ресторана – «Приют богонгов» мнения кардинально разделились. Свенн был в восторге от говяжьего стейка с кровью и маринованного филе кенгуру с карри-шпинатом и густым соусом «битрут». Пришлось ему по вкусу и сливовое десертное вино. Ариса же, попробовав всего понемногу, констатировала:

– Вредно всё это. Вкусно и пикантно? Заканчивай бредить, милый. Целесообразность всегда должна быть выше эмоций. Вкусно, понимаешь, не вкусно.... Вино? А чем дистиллированная вода хуже? От неё, по крайней мере, в голове не шумит...

Ари продолжила ворчать и когда они, просмотрев фильм – «Американский пирог-2», покинули кинотеатр:

– Ничего не понимаю. Оказывается, земляне занимаются сексом чуть ли не каждые сутки. Причём, как ночью, так и днём. Зачем? На нашей Мирре частоту половых сношений – для каждой конкретной пары – определяют доктора. Мол: – «Для вас рекомендуется два раза в месяц, чтобы гормоны не беспокоили почём зря. А вам, уважаемые, и одного раза вполне достаточно.... Позы? Сейчас подберём. В полном соответствии с размерами и геометрией интимных органов...».

– Дикие люди. То есть, гуманоиды, – неуверенно зевнул Свенн. – Хотя, может быть, в этом непривычном для нас сексуальном ритме заложен некий потаённый и глубинный смысл?

– Какой ещё смысл? Не смехи, пожалуйста. Обыкновен-

ная туземная глупость и тупость. Причём, нецивилизованная и тёмная. Пошли по магазинам!

Когда разнообразные сувениры были успешно закуплены и сложены в рюкзак, приобретённый в супермаркете, молодые люди тронулись в обратный путь. На этот раз они уже никуда не торопились, то бишь, шагали размеренно, внимательно и вдумчиво оглядываясь по сторонам.

Это Ари так решила, заявив:

– Будем всё осматривать и на всякий случай фотографировать. А то утром пронеслись со всех ног и ничего толком не рассмотрели.... Мы же ещё будем посещать другие земные поселения?

– Конечно, милая. Мне здесь определённо нравится...

Справа от дороги появились высокие деревья, выстроившиеся ровными рядами.

– Перед нами сливы, – охотно пояснил Свенн. – Именно из их плодов и делают десертное вино, которое мне пришлось по вкусу. Только ягоды пока ещё маленькие и незрелые.... Слышишь? Кто-то скребётся.... Ага, зверёк с рыжеватой шкурой, встав на задние лапы, усердно – длинными полосами – обдирает с дерева кору.

– Это же кенгуру?

– Нет, валлаби. Такое сумчатое животное, внешне похожее на кенгуру. Только совсем не кенгуру.

– Более мелкое?

– Дело не только в этом. Кенгуру, как уверяет Системная

Паутина, они достаточно спокойные. То бишь, мирные, слегка инфантильные и – в большинстве случаев – невозмутимые. Ну, как коренные чистокровные мирране. Валлаби же гораздо более нервные, любопытные и непредсказуемые.

– Как потомки переселенцев с провинциального объекта К-10? – не удержалась от шпильки Ариса.

– Такая аналогия, пожалуй, имеет право на существование...

Зверёк, оставив несчастное деревце в покое, неожиданно выскочил на дорогу и, хищно оскалив тёмно-жёлтые зубы, угрожающе зашипел.

– Ай! – отпрыгнув в сторону, запаниковала Ари. – Что делать?

– Доставай пульт и нажимай на кнопку, – заслоняя девушку от неожиданного агрессора, велел Свенн.

– На красную?

– Зачем? Сперва на синюю, а потом на зелёную.... Ох, уж, эти потомственные мирране! Всегда строят из себя невесть что. Мол, мы все такие невозмутимые из себя. С булатными и стальными нервами. А как доходит до серьёзного дела, так всё и меняется. Голосок предательски дрожит. Пальчики, не попадая в нужные кнопки, ходят ходуном...

Валлаби, отчаянно трясая маленькой ушастой головой, ускакал.

– Как оно тебе? – поинтересовался Свенн.

– Чуть не описалась от страха, – по-честному призналась

Ариса. – Давай, увеличим темп? Как-то мне не по себе. То есть, неудобно. Хочется побыстрее оказаться под надёжным куполом.

– Слушай, а для чего ты и в ресторане, и сувенирных магазинчиках выспрашивала о каком-то Форте Томпсон?

– Да, просто так. Других-то населённых пунктов поблизости нет.... Шагаем, любопытный и наблюдательный лорд Брюс. Шагаем.

– А нашу белокурую командоршу заметила?

– Нет. Где? Когда?

– Внимательней надо быть, госпожа коренная мирранка, – насмешливо улыбнулся Свенн. – Мы выходили из кинотеатра, а Линда – в цветастом земном платье и смешных резиновых тапочках – о чём-то оживлённо перешептывалась у сувенирного киоска с пожилым смуглым типом. Даже передала ему маленький пластиковый пакет. Ладно, шагаем...

Неуклонно приближался вечер. Установилось полное безветрие. Нежно-малиновое солнышко зависло рядом (в пяти-семи собственных диаметрах), с изломанной линией горизонта. В ободранных кустах акации о чём-то оживлённо ворковали бойкие австралийские свистуны. Полная идиллия и самая натуральная пастораль, короче говоря.

Путешественники не только ускорились, но – уже ближе к долгожданному финишу – решили слегка отклониться от прежнего маршрута. Грунтовая дорога в этом месте, огибая невысокий холмик, делала широкую петлю. Вот, данный

холм и решено было форсировать, дабы спрямить путь.

* * *

Перевалив через вершину, они начали спуск.

– Впереди горит яркий огонь, – остановившись, сообщил Свенн. – У землян принято во время загородных пикников разжигать так называемые – «костры». Очередная туземная особенность.

– У землян? – засомневалась Ари. – Не знаю, не знаю.... Возле костра наблюдаю мужчину и женщину. Вернее, светленького юношу и рыженькую девушку. Это, скорее всего, мирране. Я, если честно, лиц всех наших спутников так и не запомнила.... Одеты в земную одежду? Значит, тоже ходили на обзорную экскурсию. Только в другой населённый пункт. Например, в Форт Томпсон. Там и костры научились разводить....

Глава восьмая

Тайная Вечеря

Австралия, город Канберра, кабинет Окружного прокурора Тима Ричардса.

День прошёл в бестолковой и муторной суете. Осмотр места преступления. Ленивое переругивание с равнодушными экспертами-криминалистами. Общение со штатными информаторами. Посещение полицейского морга. Визиты в разномастные архивы. Встречи с коллегами из дружественных параллельных контор. Игра в прятки с вездесущими журналистами и приставучими репортёрами. Рутинной работы, короче говоря, хватило на всех. Только успевай вертеться и крутиться, переезжая с объекта на объект...

В двадцать один тридцать сотрудники следственной бригады встретились возле главного входа в здание Окружной прокуратуры.

– Молодцы, на этот раз обошлись без опозданий, – скупое похвалил подчинённых Смок. – До начала совещания остаётся полчаса. Предлагаю перекурить, посплетничать и обменяться новостями. То бишь, похвастаться друг перед другом конкретными результатами, нарытыми в течение прошедшего дня.

Они перекурили, посплетничали и обменялись. А, вот,

хвастаться было практически нечем. Так, сплошная ерунда. Никаких реальных подвижек.

– Ладно, пошли, – резюмировал Эрнандес. – Пройдёмся по пышному начальственному ковру. Получим очередную незаслуженную головомойку. Глядишь, дело и сдвинется с мёртвой точки. Диалектика сыскной деятельности... Чего это, Макс, ты так смешно передёрнул плечами? Замёрз?

– Действительно, к ночи слегка похолодало, – неохотно подтвердил инспектор Смит. – Северный ветерок поддувает. По ночному небу ползут рваные низкие тучи. Не удивлюсь, если завтра с утра зарядит дождик. И, вообще...

– Что ты имеешь в виду, старина?

– Неуютно здесь как-то. Звонящая тревожная тишина. Серо-жёлтые уличные фонари. Ветер гонит по тротуарам обрывки каких-то бумаг и прочий бытовой мусор. В помпезном здании Областной прокуратуры почти все окна тёмные. Только одно единственное – на третьем этаже – тускло светит-подмигивает из-за неплотно задёрнутых штор.

– Да ты, брат, философ.

– А то. Профессия, так сказать, обязывает.

– Всё, заканчиваем трепаться, – мельком бросив взгляд на циферблат наручных часов, помрачнел Смок. – Уже без пяти десять. Работаем ластами и шевелим помидорами. Работаем и шевелим...

Детективы, предъявив на вахте служебные удостоверения сонному охраннику, прошли внутрь здания.

По позднему времени была включена только каждая пятая лампочка.

– Режим бережливой экономии, – с непонятными интонациями в голосе пробормотал Макс. – Оно и понятно. Мировой финансовый кризис во всей красе, будь он неладен...

Полутёмный холл. Мраморная маршевая лестница. Узкий и бесконечно-длинный коридор третьего этажа. Полное безлюдье. Громкий перестук шагов, разносимый задумчивым эхом, как казалось, по всем этажам, нишам и закоулкам.

– Странные ощущения, – шёпотом призналась Танго. – Словно следуем не на обычное рабочее совещание (пусть и экстренное), а на самую натуральную Тайную Вечерю...

* * *

По правую руку от Тима Ричардса, Окружного прокурора «Южной Канберры», на стандартном офисном стуле располагался худенький и тщедушный мужчинка – обладатель унылой и на удивление бледной физиономии.

«Здорово похож на городскую вечно-голодную крысу», – непроизвольно отметил Эрнандес. – «Тот ещё субчик. Скользкий и непонятный. Мистер Крыс. С такими белёсыми типами надо держать ухо востро...».

– Извольте, господа и дамы, доложить о достигнутых успехах, – Окружной прокурор «Южной Канберры» был откровенно мрачен, а в его крохотных поросячьих глазках всюю

плескалась ехидная желчь. – Что вам удалось накопать за прошедшие сутки? То бишь, за последние двадцать четыре часа?

– Всё докладывать? Развёрнуто? – на всякий случай уточнил педантичный Макс Смит. – Начиная от Адама?

– Какого ещё Адама? – непонимающе набычился Ричардс. – Нашли нового свидетеля? Фамилия? Национальность? Профессия? А, кажется, понял... Шутки изволим шутить? Какой-то странный юмор у вас, инспектор. Не австралийский. Вы, часом, не шпион?

– Дык, э-э-э... Кха-кха! – закашлялся Макс.

– Успокойтесь, Смит, – язвительно улыбнувшись, велел прокурор. – Я просто мило, без всякой задней мысли, пошутил. Всё докладывайте. С самого начала. От старины Адама. Пусть мистер Зайчонски, представитель нашего славного Министерства, послушает... Что, в горле першит? Ну-ну, бывает. Тогда пусть ваш непосредственный начальник обрисует сложившуюся картинку. Подробно и развёрнуто. Ничего не пропуская.

– Может, предоставим слово представительнице слабого пола? – состроив невинную гримасу, предложил Смок. – У девушек излагать суть проблемы получается гораздо лучше и доходчивей. Особенно у молоденьких и симпатичных.

Тим Ричардс рассерженно сдвинул мохнатые брови к переносице и, с трудом сдержавшись от начальственного рыка, разрешающе махнул пухлой ладошкой.

– Спасибо за комплимент, – окинув Смока испепеляющим взглядом, промямлила Танго. – Приступаю, – заговорщицки подмигнула бледному министерскому работнику. – Кем был покойный индивид? Трудно сказать однозначно. Достаточно пожилой дядечка, уже «за шестьдесят». Официально, по паспорту, его звали – «Диего Орлан». Родился в небольшом аргентинском поселении – «Круппендорф». Потом вместе с семьёй перебрался в Парагвай. А оттуда в Чили. Потом его следы теряются. На момент смерти, кроме чилийского, имел канадский паспорт. Переселился в Канберру восемь с половиной месяцев тому назад. Был богат, раз смог позволить себе купить старинный особнячок, расположенный в престижном районе города. Обладал достаточно импозантной и приметной внешностью. Этаким патентованный аристократ – прямой, как пламя свечи, аккуратная седая бородка, смуглое лицо, длинные пегие волосы, зачёсанные назад, всегда был одет по последней парижской моде. Хлыщ прилизанный, короче говоря. Отсюда и прозвище – «Граф».... Почему он попал в сферу интересов криминальной полиции «Южной Канберры»? Конечно же, из-за устойчивых связей с австралийскими анархистами и правыми ультра. Та ещё публика – непредсказуемая, бесшабашная, ненадёжная и крайне беспокойная. А господин Орлан был неоднократно замечен на их шумных сборищах, что, согласитесь, весьма подозрительно.... Потом поступила (от надёжного и проверенного агента), информация о том, что Граф, прожи-

вая несколько лет назад в Мехико, активно приторговывал оружием. Причём, в достаточно серьёзных объёмах. Американские автоматические винтовки. Русские автоматы китайской сборки. Бельгийские и израильские многозарядные пистолеты. Немецкие гранатомёты и миномёты. Боеприпасы в широком ассортименте. Мы нагрянули к Графу с обыском...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.